
UC SOUTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
AA000118294 8

SEAL OF THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA
LET THERE BE LIGHT
1868

А. К. ГРИНЪ

ВЪ ЛАБИРИНТѢ ГРѢХОВЪ

РОМАНЪ

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1908

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ, 13

I.

— Таинственное дѣло! — пробормоталъ инспекторъ полиціи Донновонъ, сидя у себя въ кабинетѣ и разглаживая холеную бороду.—Очень таинственное и, думается мнѣ, щекотливое. Придется послать самаго искуснаго изъ моихъ молодцовъ.

Онъ позвонилъ.

— Гаррисонъ здѣсь? — спросилъ онъ явившагося на зовъ служителя.

— Такъ точно!

— Попросите его сейчасъ же ко мнѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ стройный, средняго роста, изящный господинъ, лѣтъ двадцати семи. Его скорѣй можно было принять за человѣка лучшаго общества, чѣмъ за полицейскаго агента.

— Вы сейчасъ свободны, Гаррисонъ?

— Да, свободенъ!

— Ну и прекрасно, у меня для васъ есть работа. Сейчасъ мнѣ сообщили о кражѣ со взломомъ у богатаго банкира Ирвинга. Дѣло секретное, объ этомъ проситъ самъ банкиръ, въ собственноручной надписи на заявленіи Очевидно, мы имѣемъ дѣло не съ простымъ воровствомъ. Займетесь вы этимъ, Гаррисонъ?

— Съ громаднымъ удовольствіемъ. Чѣмъ таинственнѣе дѣло, тѣмъ оно заманчивѣе для меня.

— Отлично! — одобрилъ Донновонъ. — Я знаю, что вы именно тотъ человѣкъ, котораго мнѣ нужно: у васъ есть и тактъ и знаніе людей. Я убѣжденъ, что вамъ удастся выяснить это дѣло. Вотъ вамъ записка къ банкиру,—добавилъ онъ, набрасывая нѣсколько словъ на листѣ бумаги.— Желаю вамъ полнаго успѣха!

— Приложу всѣ старанья!—произнесъ Гаррисонъ, раскланялся и вышелъ. На

улицѣ ему встрѣтился его другъ и коллега Вильямъ Робертсъ.

— Эй, Вилли, куда держишь путь?— крикнулъ Гаррисонъ.

Тотъ, къ кому были обращены эти слова, тоже молодой, сильный, мускулистый человѣкъ, съ рѣзкими, дышавшими умомъ и энергіей чертами лица, сдѣлалъ кислую гримасу.

— Куда держу путь?—повторилъ онъ съ досадой.—Прямо въ Массачузетсъ.

— Какъ, развѣ шайка фальшивыхъ монетчиковъ поймана?

— Къ сожалѣнію, нѣтъ! Мошенники водятъ меня за носъ, а ужъ я ли не знаю насквозь всѣ ихъ уловки!

— И что же, никакихъ слѣдовъ?

Робертсъ покачалъ головой.

— До сихъ поръ ни малѣйшихъ, всѣ заметены, точно пескомъ. Впрочемъ, вчера мнѣ дали знать, что въ Брэндонѣ—маленькій городишка въ Массачузетсѣ — ежедневно получаются письма подъ литерами

X. Y. Z. Нѣтъ ли тутъ связи съ моей шайкой? Иду къ начальству за инструкціями, а потомъ сдѣлаю разслѣдованіе на мѣстѣ.

— Я бы тебѣ съ радостью помогъ, но я не свободенъ,—сказалъ Гаррисонъ.—На меня свалилось тоже запутанное дѣло: кража со взломомъ у банкира Ирвинга. Кажется, дѣло обыкновенное, а требуется строжайшая тайна.

— Какой-нибудь скандальчикъ въ большомъ свѣтѣ!—усмѣхнулся Робертсъ.—Мое дѣло попроще, а голову надъ нимъ я уже поломалъ изрядно. Такъ что же, увидимся сегодня до моего отъѣзда, или нѣтъ?

— Едва ли. Я сейчасъ иду прямо въ 37-ую улицу и самъ не знаю, сколько времени тамъ пробуду. Дай мнѣ знать, когда ты вернешься, я зайду къ тебѣ, и мы разскажемъ другъ другу обо всѣхъ своихъ похожденіяхъ.

— Хорошо,—согласился Робертсъ, и, пожавъ другъ другу руки, они сердечно разстались.

Дѣла ихъ приняли совершенно неожиданный оборотъ, и черезъ недѣлю они уже сидѣли, въ первый же свободный вечеръ, вмѣстѣ на верандѣ маленькаго дома Робертса.

— Здѣсь намъ никто не помѣшаетъ,— говорилъ своему другу хозяинъ, наливая вино въ стаканы и угощая его сигарами.— Разскажи же мнѣ подробно впечатлѣнія, пережитыя у Ирвинга.

— Исторія эта удивительна какъ по обстановкѣ, такъ и по мотивамъ преступленія. Скажу тебѣ, другъ мой, что мнѣ рѣдко приходилось съ такимъ интересомъ заглядывать въ лабиринты человѣческихъ душъ и видѣть такіе своеобразные характеры.

— Ты возбуждаешь мое любопытство!— улыбаясь сказалъ Робертсъ.—Какъ интересно должно быть дѣло, заставляющее тебя сдѣлать такое признаніе!

— Посуди самъ,—началъ свое повѣствованіе Гаррисонъ, выпуская изо рта цѣлое облако табачнаго дыма.— Въ тотъ день

когда мы съ тобой разстались, я съ предписаніемъ начальства отправился въ 37-ю улицу и позвонилъ у № 16-го. Мнѣ отворилъ не кто иной, какъ самъ банкиръ. На мой вѣжливый поклонъ онъ отвѣтилъ не то удивленнымъ, не то недовѣрчивымъ взглядомъ Очевидно, мой внѣшній видъ не отвѣчалъ его представленіямъ о нашей профессіи. Предъявленіе моихъ полномочій отчасти его успокоило, и онъ пригласилъ меня въ свою небольшую пріемную, дверь которой предусмотрительно заперъ.

— У васъ произведена кража со взломомъ?—спросилъ я его.

Онъ утвердительно кивнулъ головой. Любезная улыбка исчезла съ его лица, и озабоченное выраженіе легло на его строгія черты.

— Украдены брильянты моей жены, цѣнностью въ 25.000 долларовъ,—пояснилъ онъ.

Меня поразили не столько самый фактъ кражи и цѣнность украденнаго, сколько

мрачный видъ банкира при этомъ заявленіи. Можно было подумать, что онъ потерялъ все свое состояніе.

— Потеря значительная!—сказалъ я сочувственно:—будьте добры посвятить меня въ подробности этого дѣла, поскольку онѣ вамъ извѣстны.

Онъ отрицательно покачалъ головой.

— Я предпочелъ бы, чтобы вы дѣйствовали самостоятельно и допросили весь домъ. Моя жена скажетъ все, что ей извѣстно, затѣмъ вамъ придется допросить одну или двухъ прислугъ. А больше врядъ ли кто пригодится. Поймите меня хорошенько,—прибавилъ онъ крайне рѣшительно:—эти брильянты должны быть найдены въ теченіе 48 часовъ, безразлично, каковы бы ни были послѣдствія и кто бы отъ этого ни пострадалъ. Я приведу въ движенье всѣ рычаги, чтобы добиться этого въ назначенный срокъ, и очень разсчитываю на ваше содѣйствіе. Если драгоцѣнности въ четвергъ вечеромъ

будутъ въ моихъ рукахъ, вы получите пятьсотъ долларовъ. Если же вамъ удастся при этомъ не возбудить никакихъ толковъ и не встревожить моей жены,—тутъ голосъ его слегка задрожалъ,—то я увеличу вашу награду до тысячи долларовъ. Надѣюсь, это заманчиво?—заключилъ онъ, видимо, стараясь говорить шутливо и непринужденно.

— Конечно, заманчиво,—согласился я.

— Я вамъ не даю никакихъ показаній, чтобы не повліять на ваше рѣшеніе. Но когда вы познакомитесь съ дѣломъ и придете къ какому-нибудь заключенію, мнѣ было бы интересно услышать его!

Я обѣщалъ ему все сообщить немедленно, и мы поднялись этажомъ выше, гдѣ были комнаты его жены.

Обстановка дома была княжеская. Великолѣпенъ былъ вестибюль съ широкой мраморной лѣстницей. Стекла въ окнахъ были красныя и давали чудные свѣтовые эффекты. Всюду были разставлены старин-

ныя вещи большой цѣнности, а по стѣнамъ развѣшано съ большимъ вкусомъ оружіе.

Когда мы поднимались на этотъ этажъ, съ верхняго спускался молодой человѣкъ, произведшій на меня большое впечатлѣніе своимъ изяществомъ.

— Ты уходишь?—крикнулъ ему банкиръ, далеко не мягкимъ и не дружелюбнымъ тономъ.

Молодой человѣкъ помедлилъ отвѣтомъ, затѣмъ отрывисто отвѣтилъ: «Нѣтъ, я сегодня буду дома!» и, не останавливаясь, сталъ подниматься обратно по лѣстницѣ. Ирвингъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ. Мнѣ, привыкшему приглядываться къ малѣйшимъ измѣненіямъ человѣческаго лица, этотъ взглядъ сказалъ многое.

— Вашъ сынъ?—спросилъ я вполголоса.

— Сынъ моей жены,—отвѣтилъ онъ и, не давая мнѣ времени для дальнѣйшихъ разспросовъ, отворилъ дверь. въ которую и впустилъ меня.

Передъ огромнымъ трюмо стояла высокая, изящная женщина, среднихъ лѣтъ. Она, видимо, вся отдалась созерцанію своего туалета. Возлѣ нея на колѣняхъ стояла молодая дѣвушка и поправляла тяжелыя складки ея великолѣпнаго бархатнаго платья. Интересно было сопоставить эти двѣ женскія фигуры, такія различныя, принадлежащія безспорно существамъ противоположныхъ классовъ общества, но на лицахъ которыхъ сквозило одинаковое чувство безпокойства и страха.

Молодая дѣвушка замѣтила насъ первая. Она быстро поднялась, и я увидѣлъ очень миловидное созданье, полное своеобразной прелести, несмотря на ея скромное общественное положеніе.

Затѣмъ насъ замѣтила въ зеркалѣ и барыня. Она медленно повернулась къ намъ, и я залюбовался на ея царственную, хотя и немного поблекшую красоту. Банкиръ тѣмъ временемъ подошелъ къ ней.

— Милицентъ, позволь мнѣ предста-

вить тебѣ агента полиціи. Если только возможно найти брильянты до четверга, онъ найдетъ ихъ. Не откажи сообщить ему всѣ подробности и, если это потребуется, разрѣши допросить миссъ Дудлей.

М-съ Ирвингъ равнодушно пожала плечами. По уходѣ мужа она наконецъ замѣтила меня и, окинувъ испытующимъ взоромъ, спросила:

— Вы слышали, при какихъ обстоятельствахъ пропали мои брильянты?

— Въ полицію поступило заявленіе, что во время вашего обѣда къ вамъ черезъ окно забрался воръ.

— Не во время обѣда,—поправила она.—Въ это время я никогда не оставляю своихъ брильянтовъ не запертыми. Я была внизу, въ гостиной, куда мужъ попросилъ меня на два слова. А такъ какъ я собиралась одѣваться, чтобы ѣхать на вечеръ, то приготовленные для меня брильянты стояли въ открытыхъ футлярахъ на каминѣ. Когда я поднялась къ себѣ, брильянтовъ уже не было.

Я поглядѣлъ на каминъ, гдѣ и теперь стояли открытые футляры.

— Почему вы полагаете, что это продѣлка вора?

— Потому что окно, которое я оставила закрытымъ, было открыто, когда я вернулась, и затѣмъ я услышала звуки быстрыхъ шаговъ по мостовой и увидѣла двухъ быстро удалявшихся мужчинъ на улицѣ. Вамъ, конечно, извѣстно, что подобные грабежи нерѣдки за послѣднее время?

Я наклонилъ голову въ знакъ согласія и исподлобья бросилъ бѣглый взглядъ на Алису Дудлей.

Она стояла въ полъ-оборота у стола, и разсѣянно играла ножикомъ. Разсѣянность ея была напускная: я видѣлъ ясно, какъ дрожала ея рука. Я не сталъ пока ломать себѣ головы надъ причиной этого волненія, а обратился опять къ м-съ Ирвингъ.

— Когда все это произошло?

— Около семи вечера.

— Довольно рано для подобнаго рода предпріятій,—замѣтилъ я.

— Несмотря на это, оно увѣнчалось успѣхомъ,—рѣзко отвѣтила она, и яркій румянецъ залилъ ея щеки.

— Не помните ли вы, какъ долго вы были внизу?

— Пять, самое большое десять минутъ.

— И когда вы вернулись, то окно было уже открыто?

— Да, это первое, что мнѣ бросилось въ глаза.

— Такъ что исчезновеніе брильянтовъ вы замѣтили лишь послѣ?

— Да, но тотчасъ же...

Мои вопросы, видимо, ее тяготили. Это показалось мнѣ подозрительнымъ, а ужъ если мнѣ западетъ въ душу подозрѣніе, я отъ него отказываюсь, лишь когда не останется ни малѣйшаго сомнѣнія въ его неосновательности.

— Сударыня, — сказалъ я внушительно,—ваша пропажа слишкомъ значи-

тельна, чтобы не поставить на ноги полиціи до тѣхъ поръ, пока не откроютъ мѣстонахожденія вещей. Скажите, васъ не поразило, что воръ такъ ловко использовалъ ваше, совершенно случайное, отсутствіе? Обыкновенно подобнаго рода кражи подгоняются къ моменту, когда въ домѣ обѣдаютъ. Вѣроятно, у васъ въ комнатѣ былъ потушенъ газъ?

— Газъ горѣлъ!

— Тогда воръ долженъ былъ опасаться, что въ комнатѣ кто-нибудь есть, если, конечно, третье лицо не взяло на себя заботы извѣстить его объ этомъ.

Она посмотрѣла на меня полуудивленно, полунасмѣшливо. Не смутившись этимъ, я все свое вниманіе перенесъ на молодую дѣвушку, которая при моихъ послѣднихъ словахъ приблизилась къ намъ. Она пошевелилась, точно хотѣла сказать что-то, но передумала и вышла изъ комнаты. Хотѣлось ли ей уйти отъ моихъ зоркихъ глазъ, или ей нужно было что-нибудь спрятать, чтобы затруднить мои розыски?

Я попросилъ г-жу Ирвингъ задержать дѣвушку въ передней и сказалъ, что мнѣ не хотѣлось бы терять ее теперь изъ виду.

Госпожа Ирвингъ удивилась, но безъ колебанія исполнила мою просьбу. Тонъ ея въ обращеніи съ Алисой былъ холоденъ и высокомѣренъ, откуда я заключилъ, что симпатіи тутъ не существуетъ.

Мнѣ самому не внушала довѣрія молчаливая и простая Алиса, и не знаю, почему мнѣ казалось, что она замѣшана въ этомъ дѣлѣ.

Подъ вліяніемъ этихъ мыслей я спросилъ м-съ Ирвингъ, нѣтъ ли у нея подозрѣнія на кого-нибудь изъ домашнихъ? Она отвѣчала отрицательно, и опять краска залила ея лицо.

— Кто эта молодая дѣвушка, которую я у васъ засталъ?

— Алиса?—просто спросила она, и отвѣтила равнодушно: — это полуслужанка, полукомпаньонка. Она получила кое-какое

образованіе, иногда читаетъ мнѣ вслухъ и недурно играетъ на роялѣ.

— Давно она у васъ въ домѣ?

— Около года.

— Вамъ извѣстно ея происхожденіе?

— Къ чему столько вопросовъ?—нетерпѣливо перебила она меня.—Если вамъ непремѣнно это нужно знать, Алиса дочь священника, который меня вѣнчалъ. Я ее знала еще ребенкомъ. Послѣ смерти ея отца я ее взяла къ себѣ въ домъ. Довольно вамъ?

— Пока—да! Разрѣшите мнѣ сказать нѣсколько словъ этой дѣвушкѣ?

Она дала свое согласіе, и я вышелъ въ переднюю. Алиса, притаившись, сидѣла въ углу. Увидѣвъ меня, она вскочила и быстро скрылась въ боковыхъ дверяхъ.

— Куда ведетъ эта дверь: на черную лѣстницу?—обратился я къ м-съ Ирвингъ.

— Да!

Я поблагодарилъ, раскланялся и спустился въ нижній этажъ, чтобы переговорить съ банкиромъ.

II.

— Ну?—встрѣтилъ меня Ирвингъ, когда я вошелъ въ маленькую пріемную, гдѣ происходилъ нашъ первый разговоръ.

Я усѣлся противъ него и сказалъ:

— Одно предположеніе уже у меня созрѣло.

— Разсказывайте, — напряженно торопилъ онъ меня.

— По-моему, это не былъ обыкновенный воръ. Онъ не только зналъ, что у васъ въ домѣ есть брильянты, но также зналъ, гдѣ и когда ихъ искать. Или онъ по заранѣе условленному знаку забрался черезъ окно, или черезъ то же окно ему были выброшены брильянты. Согласны вы со мной?

Банкиръ утвердительно кивнулъ головой.

— Но кто могъ это сдѣлать?—безпокойно началъ онъ.—Если у васъ есть на кого-нибудь подозрѣніе, назовите этого человѣка, не смущаясь. Дѣло слишкомъ серьезно.

— Я не могу ничего сказать опредѣленнаго,—отвѣчалъ я уклончиво.—Я вѣдь здѣсь всего нѣсколько минутъ и видѣлъ лишь трехъ лицъ. Во всякомъ случаѣ у васъ здѣсь есть молодая дѣвушка, о которой мнѣ бы хотѣлось узнать немного поподробнѣе. Я говорю о компаньонкѣ вашей супруги. Можно ли ей довѣрять и будетъ ли она мнѣ отвѣчать, когда я стану ее допрашивать?

— Развѣ вы еще этого не сдѣлали?—воскликнулъ Ирвингъ, видимо, разочарованный, наморщивъ лобъ.

— Я понимаю,—вырвалось у него.—Вѣроятно, этому помѣшала моя жена. Вамъ нужно видѣть Алису: позвать ее сюда?

Онъ уже поднялся, чтобы выйти изъ комнаты, но передумалъ и опять сѣлъ.

— Еще одинъ вопросъ прежде, чѣмъ я позову Алису: что сказала вамъ моя жена?

— Она мнѣ просто сказала, что футляры съ ея брильянтами стояли открытыми, когда она на нѣсколько минутъ сошла внизъ къ вамъ; что по возвращеніи она нашла ихъ пустыми, а окно открытымъ. Когда же она выглянула на улицу, то замѣтила двухъ быстро уходившихъ людей...

— А, такъ вотъ что она вамъ разсказала?—перебилъ меня банкиръ:—и на основаніи этого вы и вывели свое заключеніе?

— Нѣтъ,—возразилъ я:—все мое вниманіе привлекала компаньонка.

— Алиса? Я думаю, она вамъ не сказала ни слова?

— Ни единаго,—признался я:—но этого и не требовалось; если можно такъ выразиться, я слышалъ, какъ билось ея сердце. Это навело меня на мысль, что она болѣе причастна къ дѣлу, чѣмъ это можно предположить.

Ирвингъ при всемъ своемъ удрученномъ состояніи улыбнулся одобрительно моимъ словамъ.

— Вы не обманули моихъ ожиданій,— похвалилъ онъ меня.—Безъ сомнѣнія, сердце Алисы билось учащенно: она видѣла, кто укралъ брильянты...

— Какъ,—воскликнулъ я въ изумленіи,— и вы...

Онъ не далъ мнѣ досказать.

— Я говорю это потому, что я видѣлъ, какъ Алиса шла наверхъ, пока жена была у меня. Она должна была какъ разъ прійти туда, когда человѣкъ, шаги котораго я слышалъ надъ собой, вышелъ уже въ переднюю.

— Въ переднюю?—повторилъ я въ смущеніи.

— Ну, конечно. Неужели вы повѣрили хоть на одну минуту, что воръ, укравшій это маленькое состояніе, скрылся черезъ окно?

— Сознаюсь, что по дорогѣ изъ полиціи къ вамъ во мнѣ шевелились сомнѣнія отно-

сительно правильности заявленія, но, послѣ разговора съ вашей супругой...

— О, что касается заявленій моей жены, то они совершенно неосновательны,—прервалъ онъ меня.—Хотите доказательствъ? Она утверждаетъ, что оставила окно запертымъ, а, вернувшись, нашла открытымъ; на самомъ же дѣлѣ это окно было открыто только послѣ ея возвращенія, это я явственно слышалъ. И человѣкъ, шаги котораго донеслись до меня, удалился не черезъ окно, а черезъ переднюю.

— Тогда,—сказалъ я,—можно предполагать, что брильянты еще здѣсь? въ домѣ?

— Я въ этомъ убѣжденъ.

— И Алиса...

— Алиса видѣла то, что я слышалъ.

Это сообщеніе настолько удивило меня, что я невольно сказалъ:

— Если ваше предположеніе вѣрно, то вамъ совершенно не зачѣмъ было прибѣгать къ моему содѣйствію для раскрытія преступленія.

— Вы забываете, что меня совершенно не интересуетъ личность преступника, мнѣ хочется добиться лишь возвращенія брильянтовъ. Для достиженія перваго мнѣ не требовалось посторонней помощи, ну, а второе мнѣ безъ содѣйствія законной власти не удастся.

Съ этими словами онъ поднялся и вышелъ изъ комнаты, причемъ просилъ меня слѣдить черезъ открытую дверь, чтобы никто не прошелъ незамѣченнымъ по лѣстницѣ. Только черезъ четверть часа онъ вернулся, но одинъ. Лицо его выражало гнѣвъ и нетерпѣніе.

— Нѣтъ никакой возможности заставить эту Алису говорить,—сердито сказалъ онъ:— она твердитъ только одно, что ничего не знаетъ.

— Но вы все-таки ее видѣли? Я начиналъ бояться, что она убѣжала по черной лѣстницѣ.

— Это немыслимо!—успокоилъ онъ меня:—я велѣлъ запереть боковой выходъ.

Кто хочетъ выйти, долженъ идти по главной лѣстницѣ. Развѣ я могъ бы иначе такъ увѣренно говорить, что брильянты находятся еще у меня въ домѣ?

— Это вѣрно,—согласился я.—И вы думаете, что Алиса знаетъ вора или того, кто заходилъ въ комнату вашей супруги во время ея отсутствія?

— Да.

— Тогда,—замѣтилъ я,—нѣтъ ничего проще. Чтобы найти брильянты, надо только сдѣлать офиціальный обыскъ, а передъ судомъ Алиса уже должна будетъ дать показаніе.

Банкиръ задумался.

— Вы намѣрены сдѣлать обыскъ? Это не легко будетъ въ такомъ огромномъ домѣ, гдѣ столько закоулковъ. Да и вообще я не надѣюсь на благопріятный исходъ, по крайней мѣрѣ къ назначенному сроку. Мы на сегодня съ женой получили приглашеніе, отъ котораго я по многимъ причинамъ отказаться не могу. Передъ нашимъ ухо-

домъ я объявлю всему дому, что вы полицейскій агентъ и приступаете къ обыску. Это заявленіе, конечно, встревожитъ виновнаго, и онъ попытается спрятать украденное куда-нибудь подальше. Если бы кто-нибудь попытался уйти изъ дому, не препятствуйте ему, а только прикажите прослѣдить за нимъ. Конечно, нѣтъ надобности говорить, что если именно при этомъ лицѣ и будутъ брильянты, то не хитро будетъ ихъ отъ него отобрать. Человѣка легче обыскать, чѣмъ домъ.

— Планъ великолѣпенъ!—воскликнулъ я, искренно восхищенный его остроуміемъ.— Тутъ можетъ быть только одно препятствіе.

— Какое?

— Захочетъ ли ваша супруга ѣхать въ гости, когда узнаетъ о моихъ намѣреніяхъ?

— Не безпокойтесь, я объявлю объ этомъ лишь тогда, когда она будетъ въ экипажѣ.

— Отлично!—согласился я:—теперь мнѣ только недостаетъ человѣка для того, чтобы слѣдить за выходящими изъ дома. Мнѣ

надо его раздобыть! Я долженъ для этого снестись съ моимъ начальникомъ.

— Напишите, что вамъ нужно, я самъ заѣду въ полицейское управленіе и отдамъ вашу записку.

Это было, конечно, проще всего. Я написалъ нѣсколько словъ, Ирвингъ взялъ записку и отправился къ женѣ. Я остался въ гостиной.

Черезъ полчаса супруги сошли внизъ, онъ во фракѣ, она въ великолѣпномъ лиловомъ бархатномъ платьѣ. Единственнымъ украшеніемъ были жемчуги въ ушахъ.

«Какая гордость!»—подумалъ я, глядя, съ какимъ высокомѣріемъ она проходила по вестибюлю къ ожидавшему ее у подъѣзда экипажу. Невольно я задалъ себѣ вопросъ, способно ли сердце этой нарядной дамы биться сильнѣе обыкновеннаго, или она принадлежитъ къ существамъ, по которымъ всѣ впечатлѣнія скользятъ, не оставляя слѣда. Мои мысли прервалъ банкиръ, усадившій жену въ карету и возвратившійся въ домъ.

— Ну, а теперь за дѣло!—сказалъ онъ, подходя ко мнѣ. Въ эту минуту съ лѣстницы спускался тотъ молодой человѣкъ, котораго Ирвингъ назвалъ мнѣ сыномъ своей жены. Дальше, вверхъ по лѣстницѣ, виднѣлась фигурка упрямой компаньонки.

— Ахъ, это ты, Артуръ!—встрѣтилъ онъ пасынка.—Послушай, голубчикъ! Я позвалъ тебя и миссъ Дудлей, чтобы представить тебѣ Гаррисона—агента, которому я поручаю найти и вернуть украденные у твоей матери брильянты. Я тебѣ такъ говорю, потому что мы оба пришли къ заключенію, что твоя мать ошибается, думая, что они украдены кѣмъ-нибудь постороннимъ. Г-нъ Гаррисонъ, какъ и я, убѣжденъ, что воръ—домашній, и что брильянты окажутся дома, если ихъ хорошенько поискать. Надо воспользоваться отсутствіемъ твоей матери и, какъ только на подмогу придетъ человѣкъ изъ полицейскаго бюро, приступить къ обыску. Я нахожу, что необходимо обыскать твою комнату и комнату миссъ Дудлей;

тогда наши старые слуги не будутъ имѣть повода чувствовать себя оскорбленными. Передай свои ключи Гаррисону. Ты этимъ покажешь хорошій примѣръ слугамъ и облегчишь задачу. Ты меня понялъ?

— Прекрасно,—небрежно сказалъ молодой человѣкъ и тотчасъ же послѣ ухода банкира отправился опять наверхъ, не обращая на меня ни малѣйшаго вниманія.

Я посмотрѣлъ ему вслѣдъ со смущеніемъ.

Итакъ, это былъ человѣкъ, на котораго падало подозрѣніе банкира. Очевидно, онъ теперь торопится скрыть драгоцѣнности, отъ находки которыхъ зависитъ моя награда—для меня маленькое состояніе. Я поколебался, идти ли мнѣ вслѣдъ за нимъ, и рѣшилъ не ходить, чтобы не вспугнуть его и не испортить этимъ дѣло, а ждать терпѣливо, что онъ станетъ дѣлать.

Черезъ минуту я услышалъ легкій шопотъ въ передней верхняго этажа и радостный и подавленный возгласъ, несо-

мнѣнно, принадлежавшій Артуру Суттону. Затѣмъ все затихло.

Я призадумался надъ этимъ, но былъ прерванъ условленнымъ сигналомъ моего коллеги, посланнаго изъ полицейскаго бюро. Увѣренный, что теперь никто изъ дому не ускользнетъ, я сталъ ждать.

Артуръ Суттонъ къ моему большому удовольствію вскорѣ опять появился на лѣстницѣ. Онъ былъ въ пальто и шляпѣ. Несмотря на то, что я долженъ былъ видѣть въ немъ вора, его наружность внушала мнѣ невольную симпатію. Что-то въ немъ было благородное, и лицо его, хотя и носило слѣды кутежей, было очень привлекательно.

Я ожидалъ, что онъ направится прямо къ выходной двери. Вмѣсто этого онъ подошелъ ко мнѣ.

— Мой отчимъ требуетъ, чтобы я вамъ вручилъ свои ключи, — сказалъ онъ, подавая мнѣ цѣлую связку ихъ. — Вы можете отперетъ ими всѣ ящики въ моей ком-

натѣ. Я вернусь черезъ часъ — у меня есть важное дѣло, для котораго я и долженъ отлучиться—и тогда я охотно вамъ помогу. Вы, конечно, не сомнѣваетесь, насколько мнѣ хотѣлось бы успокоить свою мать и поскорѣй возвратить ей ея брильянты.

Поблагодаривъ, я взялъ у него ключи и съ изумленіемъ смотрѣлъ, какъ онъ непринужденно надѣвалъ свѣжія перчатки.

«Ну, и актеръ!» — подумалъ я, когда онъ, мило распрощавшись со мной, вышелъ. Я видѣлъ въ окно, какъ быстро онъ пошелъ, не подозрѣвая, что за нимъ невдалекѣ слѣдовалъ мой коллега.

Пока для меня ничего другого не оставалось, какъ чѣмъ-нибудь заняться, чтобы убить время. Я сталъ было перелистывать книгу, но услышалъ шаги на лѣстницѣ.

«Это Алиса Дудлей», подумалъ я, но ошибся.

Вошла маленькая, сгорбленная старушка.

— Извините, — робко сказала она:—мнѣ сказали, что будутъ дѣлать обыскъ въ домѣ

по случаю кражи брильянтовъ у м-съ Ирвингъ. Это будетъ сегодня?

— Непремѣнно! — отвѣтилъ я: — въ такихъ случаяхъ нельзя терять времени.

Она кивнула головой, соглашаясь.

— Тогда будьте добры начать съ моей комнаты. Я тетка м-съ Ирвингъ и моя племянница, вѣроятно, будетъ недовольна, если меня потревожатъ ночью. Моя комната невелика и...

— О, — быстро прервалъ я ее: — у васъ нѣтъ надобности дѣлать обыска.

— Вы ошибаетесь, — сказала она съ удивительной энергіей. — У меня необходимо сдѣлать это, потому что воръ именно у меня могъ спрятать вещи, надѣясь на то, что у меня обыскивать не будутъ.. Не угодно ли вамъ пойти за мной?

Я былъ въ большомъ неудомѣніи: обыскъ мы собственно придумали только, какъ угрозу, но сказать это старушкѣ, понятно, нельзя было. Я рѣшилъ волей-неволей сдѣлать поверхностный обзоръ въ ея комнатѣ

и послѣдовалъ за ней наверхъ. Только вдругъ, когда она уже открывала свою дверь, я услыхалъ подозрительный шорохъ. Бросивъ быстрый взглядъ черезъ перила, я увидѣлъ стройную фигурку компаньонки, въ пальто и шляпѣ, тихо спускающуюся внизъ по лѣстницѣ.

Подобно молніи пронизала меня мысль, что я сталъ жертвою хитраго заговора. Въ сущности старушка была менѣе наивна, чѣмъ казалась. Она заманила меня наверхъ, чтобы дать Алисѣ возможность ускользнуть. Но ея хитрости не суждено было удаться. Не могъ же я такъ легко выпустить изъ рукъ брильянтовое ожерелье, стоимостью въ 25.000 долларовъ, и свою репутацію опытнаго сыщика! Я, въ сущности, не зналъ, кто унесъ брильянты: Артуръ Суттонъ или молодая дѣвушка? Можетъ быть, всѣ слова старушки-тетки и ея приглашеніе обыскать ея комнату было условленной уловкой, чтобы отвлечь мое вниманіе отъ дѣйствительнаго похити-

теля? Къ тому же я уловилъ едва замѣтное выраженіе удовольствія, даже сарказма, на лицѣ старушки.

Это меня укрѣпило въ моихъ подозрѣніяхъ и, уже безъ колебанія, бросился я внизъ по лѣстницѣ, чтобы задержать компаньонку. Я опоздалъ на одну минуту: когда я очутился на подъѣздѣ, Алиса Дудлей исчезла во мракѣ ночи.

III.

Я безпомощно простоялъ одну секунду. Что дѣлать: сторожить домъ или выслѣдить Алису Дудлей? Я рѣшился на послѣднее и выбѣжалъ на улицу.

Быстро шагая, я оглядывался кругомъ, сначала напрасно. Но когда я повернулъ за уголъ, мнѣ бросилась въ глаза темная фигура, влѣзавшая въ экипажъ. Это было сравнительно далеко, но мнѣ казалось, что я узналъ молоденькую компаньонку. Недолго раздумывая, я побѣжалъ за извозчикомъ, ѣхавшимъ не особенно быстро. На мое счастье мнѣ подвернулся скоро пустой кэбъ, и я спокойно могъ слѣдовать за бѣглянкой.

Мы ѣхали недолго: въ 48-ой улицѣ Алиса вышла изъ кэба и, позвонивши у одного

подъѣзда, скрылась въ немъ. Черезъ минуту и я стоялъ у этого подъѣзда, но кто опишетъ мое удивленіе, когда я на дверяхъ прочелъ имя извѣстнаго духовнаго лица, доктора Рандалля! У него Алиса искала убѣжища.

Я стоялъ пораженный. Вдругъ меня кто-то похлопалъ по плечу.

— Гаррисонъ, что вы здѣсь дѣлаете?— услышалъ я около себя голосъ своего коллеги Кингсфильда.

— Какъ, и вы здѣсь?—удивился я.

— Ну да, караулю своего человѣчка!

«Человѣчекъ» былъ Артуръ Суттонъ. Дѣло становилось все загадочнѣе.

Посовѣтовавшись съ Кингсфильдомъ, я оставилъ его на посту и отправился въ домъ, такъ какъ былъ знакомъ со священникомъ.

Кокетливо одѣтая горничная отворила мнѣ.

— Господинъ Рандалль занятъ, но если вы хотите...

Я согласился и прошелъ за ней въ кабинетъ, отдѣленный отъ сосѣдней комнаты

дверьми, съ тяжелыми портьерами. Оттуда ясно доносились голоса: глухой голосъ Рандалля и болѣе звонкій Суттона. Вдругъ оба затихли, послышались легкій шелестъ, шаги, и затѣмъ раздался опять голосъ священника, торжественный, точно онъ говорилъ проповѣдь. Любопытство мое было крайне возбуждено. Забывая всякую осторожность, я приложилъ ухо къ дверной щели, но такъ какъ мнѣ хотѣлось и видѣть, то я постарался безшумно пріоткрыть дверь. Представившееся моимъ глазамъ зрѣлище было и торжественно, и неожиданно: Артуръ Суттонъ и Алиса Дудлей стояли на колѣняхъ, а Рандалль вѣнчалъ ихъ. Кромѣ нихъ, присутствовали жена священника и два пожилые господина, на которыхъ я не обратилъ вниманія. Весь мой интересъ сосредоточился на молодомъ человѣкѣ и дѣвушкѣ, которыхъ я подозрѣвалъ къ такомъ тяжкомъ преступленіи и которые тутъ совершали такой важный въ жизни шагъ. Я позабылъ даже на время о брильянтахъ и

цѣли своего посѣщенія и во всѣ глаза смотрѣлъ на юную пару, принимавшую поздравленія отъ присутствовавшихъ. Невѣста не казалась счастливой, напротивъ,—она производила впечатлѣніе человѣка, поставившаго все на карту, чтобы достигнуть своей цѣли или предотвратить какое-то бѣдствіе. Она взглянула на своего мужа со страхомъ, но въ этомъ взглядѣ вмѣстѣ съ тѣмъ было столько любви и надежды!

Молодой же человѣкъ имѣлъ торжествующій и радостный видъ.

Меня все это страшно заинтересовало, и я съ нетерпѣніемъ ждалъ ихъ ухода, чтобы попытаться выудить какія-нибудь свѣдѣнія у Рандалля, который былъ большимъ другомъ моего покойнаго отца.

Священникъ вскорѣ явился, очень тепло меня привѣтствовалъ и сѣлъ противъ меня. Я безъ околичностей прямо приступилъ къ цѣли:

— Простите, что безпокою васъ, но дѣлаю это по серьезному побужденію. Молодые люди, которыхъ вы сейчасъ обвѣнчали,

заподозрѣны въ томъ, что ими совершено преступленіе, могущее имѣть для нихъ серьезныя послѣдствія. Я пока скрою, какого рода это преступленіе; быть можетъ, они и не виновны. Прошу васъ, въ ихъ же интересахъ, разскажите мнѣ, что вамъ о нихъ обоихъ извѣстно и почему они такъ таинственно вѣнчались?

— Вы меня удивляете, — сказалъ Рандалль: — я совершенно не постигаю, что могли натворить эти бѣдные молодые люди, кромѣ того, что они любятъ другъ друга и обвѣнчались наперекоръ честолюбивымъ планамъ м-съ Ирвингъ. Но любопытство недостойно священника, и я долженъ васъ увѣрить, что если они совершили какой-нибудь проступокъ — я объ этомъ не зналъ. А ихъ бракъ дѣло давно между ними рѣшенное.

— Какъ? — удивился я. — Вы знали о томъ, что они уже давно помолвлены? Я увѣренъ, что его собственная мать объ этомъ не подозрѣваетъ.

— Это возможно, — равнодушно отвѣчалъ онъ. — Да вѣдь это и не такая женщина, которая могла бы снискать довѣріе гордаго человѣка, собирающагося совершить, такъ называемый, неравный бракъ.

— Тѣмъ не менѣе... — началъ я.

— Тѣмъ не менѣе, — досказалъ онъ, — всякій сынъ обязанъ до нѣкоторой степени отчетомъ въ своихъ поступкахъ матери. Я это знаю и совершенно съ вами согласенъ. Но тутъ есть причины, которыя его отчасти оправдываютъ. Артуръ Суттонъ не всегда былъ достоинъ уваженія. Сначала это былъ необузданный мальчикъ, затѣмъ распущенный юноша и уже мужчиной велъ жизнь, полную соблазна. Мать любила его, но, несмотря на свой энергичный характеръ, не имѣла на него никакого вліянія. Видное положеніе его богатаго отчима также его не останавливало. И все-таки, какъ бы онъ ни былъ легкомысленъ, его нельзя назвать порочнымъ. М-съ Ирвингъ молча смотрѣла на его продѣлки, а мужъ ея часто гро-

зилъ, что вышвырнетъ его изъ дому, но никогда не приводилъ своихъ угрозъ въ исполненіе. Такъ шло все до прошлаго года, когда съ нимъ вдругъ случилось поразительная перемѣна.

Онъ круто порвалъ со всѣми прежними дурными привычками, обратившимися уже во вторую натуру, и серьезно сталъ работать надъ собой, чтобы вернуть себѣ всеобщее уваженіе. М-съ Ирвингъ приписала это своему вліянію, но я, бывая часто въ домѣ и благодаря долголѣтнему знанію людей, сразу почуялъ тутъ болѣе сильное и идеальное побужденіе. Правды, однако, я долго не подозрѣвалъ. Артуръ Суттонъ сталъ часто проводить время со своими — этого съ нимъ не случалось уже много лѣтъ — и, когда я у нихъ бывалъ, я часто заставалъ съ ними и миссъ Дудлей, компаньонку м-съ Ирвингъ. Она показалась мнѣ тихимъ, милымъ существомъ, но обаянія особеннаго я въ ней не находилъ; однако перемѣна, происшедшая въ молодомъ Суттонѣ, была

дѣломъ ея рукъ. Она ему показалась воплощеніемъ всѣхъ его идеаловъ и грезъ, и съ перваго же взгляда на нее, какъ онъ мнѣ потомъ признался, онъ рѣшилъ заслужить ея расположеніе. Съ этой поры онъ употребилъ всѣ усилія, чтобы стать достойнымъ ея. Родителямъ онъ не сказалъ ни слова о своемъ планѣ. «Моя мать не должна ничего знать, — говорилъ онъ мнѣ, — пока Алиса не станетъ моей женой. Если мнѣ удастся добиться довѣрія этого чистаго и чуднаго существа, вы должны мнѣ помочь завоевать уваженіе общества». Я обѣщалъ, и вотъ сегодня по ихъ желанію я обвѣнчалъ ихъ. Мнѣ очень больно узнать, что они виновны въ какомъ-то преступленіи, я не считалъ ихъ на это способными.

Рандалль ждалъ отвѣта, но я молчалъ, погруженный въ свои мысли. Неужели эта трогательная повѣсть загрязнена такимъ уродливымъ поступкомъ? Неужели Артуръ Суттонъ взялъ брильянты, и Алиса знала о томъ? Или права была м-съ Ирвингъ,

и это была обыкновенная кража со взломомъ?

— Что меня смущаетъ, — сказалъ старикъ: — это слухи объ Артурѣ Суттонѣ: говорятъ, что его исправленіе не искренно и что будто бы онъ ведетъ попрежнему предосудительный образъ жизни и только воскресенья проводитъ съ семьей, а всю недѣлю пропадаетъ по цѣлымъ ночамъ. Хотѣлъ бы я знать, гдѣ?—добавилъ онъ со вздохомъ.

Я пообѣщалъ ему вскорѣ это узнать и простился съ нимъ, поблагодаривъ за свѣдѣнія. На обратномъ пути я перебиралъ въ головѣ всякія рѣшенія, всевозможныя комбинаціи, но никакъ не ожидалъ того, что мнѣ пришлось узнать черезъ часъ.

IV.

На ближайшей башнѣ пробило 11, когда я добрался до дома банкира. Онъ опять самъ открылъ мнѣ дверь.

— Мы вернулись,—быстро заговорилъ онъ, ведя меня въ гостиную.—Ну что же, нашлись брильянты?

Онъ смотрѣлъ на меня съ лихорадочнымъ напряженіемъ.

— Нѣтъ,—сказалъ я тихо.

— Но вѣдь вы за нимъ слѣдили, вы знаете, гдѣ онъ? А Алиса, почему она тоже ушла?

— Развѣ они не вернулись? — спросилъ я.

— Кто? Артуръ и Алиса? Нѣтъ, я ихъ не видѣлъ.

— Ну, тогда они и не вернутся,—сказалъ я больше себѣ, чѣмъ ему.

— Они?—крикнулъ Ирвингъ.—Почему вы ихъ нераздѣльно называете «они»?

Я былъ избавленъ отъ отвѣта сигналомъ Кингсфильда съ улицы, возвѣщавшимъ, что Суттонъ недалеко.

— Они уже идутъ,—обратился я къ банкиру.—И такъ какъ они навѣрно сообщатъ вамъ нѣчто важное, чего въ присутствіи посторонняго они не захотятъ сдѣлать, я скроюсь на время,—и я скрылся за портьеру, за которой, сверхъ моихъ ожиданій, не было дверей въ сосѣднюю комнату, а лишь только ниша, наполненная разными этажерками съ бездѣлушками. Банкиръ не пробовалъ меня удерживать. Онъ былъ слишкомъ пораженъ, увидѣвши предъ собой пасынка подъ руку съ Алисой.

— Отецъ,—сказалъ молодой человѣкъ:—попроси сюда маму. Я долженъ ей сообщить кое-что прежде, чѣмъ я останусь въ этомъ домѣ.

— Совершенно лишнее безпокоить твою мать,—нервно перебилъ его Ирвингъ.— Если брильянты при тебѣ, отдай ихъ мнѣ, и объ этомъ никогда больше рѣчи не будетъ, даю тебѣ слово. Вѣдь я не жестокъ и понимаю и жалѣю молодежь...

Артуръ не далъ ему договорить.

— Брильянты? — нетерпѣливо сказалъ онъ.—Я о нихъ ничего не знаю. Я хочу съ мамой поговорить совершенно о другомъ.

Банкиръ презрительно пожалъ плечами.

— О чемъ же?—возвысилъ онъ голосъ.—О томъ, что вы съ Алисой друзья, что она видѣла, какъ ты выходилъ изъ комнаты твоей матери за нѣсколько минутъ до того, какъ обнаружилась покража? Что ты святой, а она...

— Довольно!

Могъ ли такъ крикнуть виновный? Невольно я отодвинулъ портьеру и взглянулъ. Подобно разгнѣванному богу стоялъ Суттонъ между отчимомъ и молодой жен-

щиной. Ея щеки пылали, и она вся вдругъ измѣнилась до неузнаваемости.

— Когда ты говоришь о ней, отецъ, то помни, что говоришь о моей женѣ!—гордо проговорилъ Артуръ и взялъ ея руку въ свою.

Ирвингъ медленно отступилъ. Это ошеломляющее сообщеніе, видимо, заставило его забыть о брильянтахъ.

— Твоя жена?—повторилъ онъ, глядя недовѣрчиво на Алису; очевидно, эта мысль но укладывалась въ его головѣ. Пока онъ говорилъ, Артуръ бросился къ полуотворенной двери, услыхавъ шаги на лѣстницѣ.

— Прошу тебя, мама, зайди сюда!—позвалъ онъ и, быстро вернувшись къ Алисѣ, взялъ ее за руку. И такъ продолжали они стоять, пока на порогѣ не показалась величественная фигура его матери.

Ея черты выражали безграничное удивленіе, но когда она замѣтила, кто былъ

рядомъ съ ея сыномъ, то вся она вспыхнула гнѣвомъ.

— Что это значитъ, Артуръ?—воскликнула она.

— Это значитъ, что я безмѣрно счастливъ!—спокойно отвѣтилъ онъ. — И во всякомъ случаѣ впереди лучшая жизнь для меня и не такая унизительная для нея. Мы обвѣнчаны, мама, и я хочу...

Онъ вдругъ остановился. При словѣ «обвѣнчаны», разрушавшемъ всѣ ея честолюбивые замыслы, гордая женщина зашаталась и повалилась безъ чувствъ прежде, чѣмъ мужъ успѣлъ ее поддержать.

Ирвингъ нагнулся, чтобы привести ее въ чувство, и въ этотъ моментъ у него вырвалось торжествующее восклицаніе.

При паденіи м-съ Ирвингъ воротникъ ея разстегнулся и удивленные присутствующіе увидѣли великолѣпное брильянтовое ожерелье, сіявшее ослѣпительнымъ блескомъ. Это, вѣроятно, и было то самое ожерелье, что мы такъ усердно искали.

Поистинѣ, это было самымъ удивительнымъ сюрпризомъ всего этого вечера.

— Брильянты, брильянты! — шепталъ Ирвингъ и, не взирая на безпомощное положеніе своей жены, сорвалъ ожерелье съ ея шеи, и перебиралъ его, разглядывая, точно онъ не вѣрилъ своей счастливой находкѣ.

Артуръ и Алиса, тоже изумленные, посмотрѣли многозначительно другъ на друга и принялись приводить въ чувство мать.

Банкиръ спряталъ ожерелье въ карманъ, и, не принимая участія въ ихъ хлопотахъ, стоялъ рядомъ и смотрѣлъ полусострадательно, полусердито на жену.

Она скоро пришла въ себя, оправилась и провела рукой по лбу, какъ бы вспоминая о чемъ-то. Тутъ она замѣтила исчезновеніе ожерелья и сильно поблѣднѣла.

— Кто посмѣлъ... — пролепетала она, но, взглянувши на мужа, замолкла и безпомощно опустилась въ кресло.

— Если тебѣ понадобится твое ожерелье, Милицентъ, — сказалъ рѣзко Ир-

вингъ:—то знай, что оно у меня. Что за странный капризъ носить брильянты спрятанными? А еще страннѣе, что ты забыла объ этомъ и могла думать, что они украдены.

У этой высокомѣрной женщины не нашлось никакого отвѣта. Ея губы задрожали и, удерживая слезы, она обратилась къ сыну:

— Артуръ, чего я не сдѣлала бы для тебя, а ты такъ отблагодарилъ меня за все!

— Мама,—мягко произнесъ молодой человѣкъ,—развѣ мое старанье начать новую жизнь не лучшая для тебя благодарность? Еще годъ назадъ я былъ позоромъ для семьи, всѣ меня презирали, а ты лишь снисходительно жалѣла. Теперь я могу всѣмъ прямо смотрѣть въ глаза: я сталъ порядочнымъ человѣкомъ, и все это, благодаря моей милой женѣ. Развѣ все это не можетъ смягчить ту боль, которую я, быть можетъ, причиняю твоей гордости, но которая не можетъ уязвить твоего сердца?

Другая мать сдалась бы на этотъ аргументъ. Но м-съ Ирвингъ эти примиряющія слова сына взорвали и вернули ей ея гордый тонъ.

— Ты думаешь?—холодно отвѣтила она.— Тебѣ недостаточно было любви матери, чтобы вернуть тебя на истинный путь? Ты не оцѣнилъ ни моихъ жертвъ, ни моихъ стараній спасти тебя отъ людского презрѣнія? Нужна была эта авантюристка, эта горничная...

Молодой человѣкъ сдѣлалъ шагъ къ матери.

— Мама! — его глаза горѣли. — Алиса женщина и, что еще для тебя важнѣе, она моя жена и стоитъ на одной съ тобой ступени въ общественномъ положеніи. Вмѣсто того, чтобы сердиться, ты должна быть благодарна ангелу, который меня спасъ.

Это было не особенно умно, но какой же влюбленный бываетъ мудръ?

Лицо м-съ Ирвингъ точно окаменѣло, и

она отвѣтила съ дрожью въ голосѣ, еле сдерживая гнѣвъ:

— Да, этотъ «ангелъ» погубилъ меня окончательно! Возвратитъ ли мнѣ мужъ довѣріе, послѣ того, какъ я его обманула ради тебя?

— Ради меня,—повторилъ изумленный Артуръ?

— Конечно,—гнѣвно разразилась она.— Ты могъ играть моимъ сердцемъ, уязвлять мою гордость, жениться на моей горничной, а спросилъ ли ты себя, откуда твоя мать, чьей любви недостаточно было, чтобы исправить тебя, беретъ средства, чтобы платить за твои прежніе грѣхи?

— Что ты называешь моими прежними грѣхами?—спросилъ онъ, видимо смущенный.

— Давно пора спросить меня объ этомъ,—иронически сказала она и, оглянувшись на мужа, который внимательно слушалъ ихъ, продолжала: — подумалъ ли ты когда-нибудь, откуда я брала

деньги, чтобы уплачивать твои парижскіе долги?

— Нѣтъ,—смущенно сознался онъ:— я думалъ, что эти деньги были твои, ты вѣдь богата!

— Даже если и такъ, но вѣдь не всегда и богатая женщина имѣетъ въ своемъ распоряженіи сто тысячъ франковъ. Однако я дала тебѣ ихъ, и ты преспокойно ихъ взялъ. Гдѣ, ты думаешь, я ихъ взяла? Твой отчимъ подтвердитъ тебѣ, что не у него.

— Гдѣ же тогда?—заикаясь, спросилъ Артуръ.—Скажи мнѣ!

Въ эту минуту между ними сталъ, блѣдный какъ смерть, Ирвингъ.

— Отвѣть мнѣ, Милицентъ,—сказалъ онъ рѣзко:—ты дала два года назадъ въ Парижѣ твоему негодному сыну 100,000 франковъ?

Она молча кивнула головой.

— Это большая сумма,—продолжалъ онъ:—меня не удивляетъ, что ты не по

смѣла у меня ихъ просить. Я бы никогда не далъ для него. Но меня удивляетъ, что ты нашла того, кто рѣшился выбросить такую уйму денегъ за окно.

— Я ни у кого ихъ не брала! — она поникла головой, потомъ вдругъ умоляюще взглянула на мужа и сказала съ такой мягкостью, которой отъ нея нельзя было ожидать: — Вильямъ, у насъ нѣтъ дѣтей, и ты не знаешь, что это значитъ любить своего ребенка. Знать, что мой сынъ въ нуждѣ и горѣ, и не помочь ему — было выше моихъ силъ. Пожалѣй материнское сердце, Вильямъ!..

— Но деньги, откуда ты взяла деньги? — горячо допрашивалъ онъ.

Вся пылающая, она не поднимала головы. Помолчавъ немного, она заговорила уже болѣе твердымъ голосомъ.

— Вильямъ, зачѣмъ ты прислалъ сказать мнѣ сегодня вечеромъ, когда я одѣвалась, чтобы я надѣла свои брильянты, а завтра дала бы тебѣ ихъ на короткое

время, чтобы показать ювелиру? Зачѣмъ ювелиру мое ожерелье?

Онъ покраснѣлъ.

— Не зачѣмъ, конечно! Это была моя фантазія, я хотѣлъ знать его цѣнность.

— Развѣ ты этого не знаешь?—спросила она, пронизывая его взглядомъ.

— Приблизительно только!

Она молчала, но, видимо, боролась съ собой.

— Ну, — сказалъ онъ: — отвѣтишь ты мнѣ на вопросъ, или нѣтъ?

— Мнѣ кажется, было бы естественнѣе спросить, почему я, порядочная женщина, предпочла украсть собственное ожерелье, не желая отдать его въ чужія руки на время?

— Намъ не зачѣмъ углубляться въ этотъ вопросъ,—уклончиво отвѣчалъ Ирвингъ:— всякая женщина неохотно разстается со своими драгоцѣнностями, даже на нѣсколько дней.

Она горько разсмѣялась.

— Но развѣ женщина рѣшится на преступленіе, развѣ допуститъ она вмѣшательство полиціи, только чтобы не разставаться со своими брильянтами? Нѣтъ, здѣсь должны быть другія побужденія, страхъ передъ большимъ горемъ—потерею привязанности и уваженія своего мужа.

Тутъ голосъ измѣнилъ ей.

— Милицентъ, что ты сдѣлала?—безпокойно заговорилъ Ирвингъ:—что за тайна скрывается за твоими словами?

— О, тайна не велика! Ты настаиваешь на своемъ желаніи показать ожерелье ювелиру?

— Да, я хочу знать его цѣну!

— Не дѣлай этого!

— Почему?

— Потому что онъ разсмѣется тебѣ въ глаза. Камни—фальшивые, тамъ нѣтъ ни одного брильянта, все стекло, одно стекло!

Ирвингъ посмотрѣлъ на нее съ недовѣріемъ, быстро вынулъ ожерелье изъ кармана и поднесъ его къ свѣту.

Блескъ камней, видимо, его успокоилъ.

— Ты смѣешься надо мной, Милицентъ,—разсердился онъ.—Посмотри, какъ они блестятъ и искрятся, это настоящіе камни. Ты хочешь съ помощью этой дѣтской хитрости оставить ихъ у себя, больше ничего!

— Клянусь тебѣ, они фальшивы. Я обмѣняла ихъ въ Парижѣ у лучшаго изъ фабрикантовъ поддѣльныхъ камней. Иначе развѣ я рѣшилась бы надѣвать ихъ въ обществѣ? За свои камни я получила 100.000 франковъ.

Ирвингъ казался совершенно подавленнымъ этими словами.

— Милицентъ, Милицентъ, неужели это правда?—еле выговорилъ онъ и, тяжело дыша, оперся о каминъ.

— Да, правда!

Она, видимо, была удивлена его сильнымъ волненіемъ.

Затѣмъ она съ гнѣвомъ обратилась къ своему сыну.

— Теперь ты знаешь, что̀ я для тебя сдѣлала. И еще больше: въ то время, когда ты упивался улыбками какой-то Алисы Дудлей, я должна была жить подъ вѣчнымъ страхомъ, что все откроется и мнѣ придется пережить то, что я сейчасъ пережила.

Молодой человѣкъ хотѣлъ ее прервать, но она жестомъ остановила его.

— Молчи!—со злобой крикнула она:— между нами все порвано! Я потеряла сына, дай Богъ, чтобы я сохранила мужа.

Она робко взглянула на Ирвинга, точно ожидала слова прощенія, но напрасно. Онъ уронилъ ожерелье на полъ, схватился за ручку двери и, бросивъ на жену страшный взглядъ, вышелъ вонъ.

Она глядѣла ему вслѣдъ съ отчаяніемъ.

— Вильямъ, Вильямъ! — вырвалось у нея жалобно и, забывая все на свѣтѣ, кромѣ привязанности къ мужу она готова была броситься за нимъ, но Артуръ удержалъ ее.

— Прежде, чѣмъ уходить, мама, выслушай меня. Ты считала меня неблагодарнымъ и равнодушнымъ, но вѣрь мнѣ, меня терзали долги. Я не подозрѣвалъ, какую страшную жертву ты мнѣ принесла; я думалъ, что деньги далъ тебѣ отчимъ. Но и это меня удручало, и я провелъ много тяжелыхъ часовъ, придумывая, какъ бы отдать этотъ долгъ. И чтобы доказать тебѣ, что мое раскаяніе не было безплоднымъ и не искреннимъ, я признаюсь тебѣ, гдѣ я проводилъ всѣ свои вечера. Я работалъ, какъ каторжникъ, чтобы добиться положенія, которое бы мнѣ позволило содержать жену, а излишекъ отдавать тебѣ. Когда я достигну этого положенія, я не пощажу ни Алисы, ни себя, пока не выплачу тебѣ всего долга. Если я этого не сдѣлаю, ты будешь въ правѣ сказать, что между нами все порвано, но не теперь, когда я одушевленъ стремленіемъ сдѣлаться достойнымъ твоего уваженія и любви.

Онъ говорилъ горячо и трогательно, но преграду, созданную между нимъ и матерью его внезапной женитьбой, не легко было сразу разрушить. М-съ Ирвингъ, сказавъ ему нѣсколько холодныхъ словъ, ушла непримиренная. Я надѣялся, что молодые люди послѣдуютъ за ней и дадутъ мнѣ возможность выйти изъ моей засады, но они остались и сдѣлали меня невольнымъ свидѣтелемъ ихъ первой откровенной бесѣды.

Алиса, видъ и манеры которой были неузнаваемы, схватила за руку своего мужа и любовно усадила его рядомъ съ собой на диванѣ.

— Артуръ,—ея нѣжный голосъ благотворно дѣйствовалъ на нервы послѣ такой бурной сцены.—Простишь ли ты меня когда-нибудь?

— Простить тебѣ, моя радость?—удивился онъ.—Да вѣдь въ тебѣ все мое утѣшеніе, все мое счастье!

— Нѣтъ, я говорю о томъ, что я вышла за тебя замужъ.

— Алиса!—онъ сказалъ это съ безконечной нѣжностью, приподнялъ ея головку и серьезно посмотрѣлъ ей въ глаза.—Ты теперь моя жена. У меня еще звучатъ въ ушахъ слова священника, который насъ вѣнчалъ. Не омрачай сомнѣніемъ первыхъ часовъ, которые я провожу съ тобой. Отдадимся радости этой блаженной минуты и будетъ думать только о томъ, что мы навѣки вмѣстѣ, какова бы ни была расплата за это.

— Я не объ этомъ говорю, Артуръ, а о томъ, что я такъ неосторожно согласилась быть твоей женой, несмотря на мои прежнія отговорки.

— И ты думаешь, что я этому не радъ?—засмѣялся онъ.—Когда ты мнѣ прошептала: «Я готова, Артуръ, на то, чего ты такъ настойчиво требуешь, хоть сегодня, если хочешь», у меня сердце чуть не разорвалось отъ радости.

— Ахъ, Артуръ,—вздохнула она и сильно покраснѣла.—Каждое твое слово для меня

укоръ. Я не могу на порогѣ нашего счастья скрыть отъ тебя правду, даже если бы я потеряла навсегда твою любовь. Я скажу тебѣ, честно и прямо: я не вышла бы за тебя сегодня замужъ, если бы не исчезновеніе брильянтовъ у твоей матери.

— Алиса! — укоризненно вырвалось у него.

Она не смѣла поднять на него глаза.

— Я знаю, я должна была тебѣ вѣрить, — сказала она порывисто: — я не должна была допустить и мысли, что ты способенъ на такое дѣло, но ты простишь меня, когда узнаешь все. Я видѣла, какъ ты тихонько вошелъ въ комнату твоей матери и такъ же тихо оттуда вышелъ, пряча что-то блестящее. Я, конечно, не обратила бы на это вниманія, если бы вслѣдъ за этимъ не явилась твоя мать и, подошедши къ камину, гдѣ стояли футляры, не бросилась бы къ окну, чтобы поднять потомъ тревогу о пропавшихъ брильянтахъ. Я не могла себѣ представить, что она такъ бы-

стро схватила ожерелье и спрятала его. Мнѣ казалось, что она все это придумала, чтобы спасти кого-нибудь близкаго, кто, по ея мнѣнію, былъ виновенъ. Она, мать, знала вѣдь своего сына, что же мнѣ оставалось думать? Ты видишь, Артуръ,—кончила она вся въ слезахъ,—виновата твоя мать, только она вселила въ меня подозрѣніе.

— Разсказать тебѣ, что ты видѣла?— сказалъ онъ, вынимая изъ бокового кармана гладкій золотой браслетъ съ серебряными монетами:—я увидѣлъ его на диванѣ у мамы и мнѣ захотѣлось унести его, чтобы прижать къ своимъ губамъ.

— Милый, да вѣдь это мой браслетъ!— она опустила въ смущеніи головку, чуя на себѣ грустный и серьезный взглядъ. Не въ силахъ снести этотъ взглядъ, она умоляюще посмотрѣла въ глаза мужа, ожидая упрека и гнѣвнаго слова. Но онъ взялъ ее за руки и сказалъ:

— И, несмотря на это, ты согласилась быть моей женой?

Она вся покраснѣла и стала удивительно мила, когда отвѣчала ему просто:

— Я любила тебя, Артуръ, и слышала, что жена избавляется отъ свидѣтельства противъ мужа.

Онъ обнялъ ее съ крикомъ восторга.

Я никогда не видалъ такой счастливой пары. Они забыли обо всемъ окружающемъ, о тяжкой сценѣ между банкиромъ и женой, о гнѣвѣ матери, обо всемъ. Наконецъ они ушли изъ комнаты, и я могъ выбраться изъ засады. Мнѣ ничего не оставалось больше, какъ уйти поскорѣй, что я и сдѣлалъ. Была полночь. Лавровъ я въ свой вѣнокъ не вплелъ этимъ дѣломъ, но обогатился новыми познаніями въ области человѣковѣдѣнія, что для моего ремесла тоже драгоцѣнно.

V.

— Да,—сказалъ Робертсъ,—ужъ очень необыкновенно кончилось это таинственное дѣло.

— И чего со мной еще никогда не бывало, — я въ уголовномъ дѣлѣ сыгралъ такую пассивную роль. Тѣмъ не менѣе мнѣ удалось познакомиться съ удивительно интересными характерами.

— Ну, а Ирвингъ утѣшился потерей брильянтовъ и помирился съ женой?

— Ирвингъ? Вотъ тутъ-то и есть самая настоящая трагедія, мой другъ! Со вчерашняго дня Ирвингъ исчезъ. У него осталась масса долговъ. Состояніе свое онъ потерялъ на спекуляціяхъ. Я себѣ теперь

объясняю, отчего ему такъ хотѣлось вернуть брильянты. Для него и 25.000 долларовъ были якоремъ спасенія и, вѣроятно, должны были облегчить ему бѣгство.

— А жена его?

— Ее очень жаль, она вѣдь и не подозрѣвала ничего подобнаго. Ея личное состояніе тоже поглотила эта катастрофа, и ей ничего не остается, какъ искать убѣжища у сына, что должно быть не легко женщинѣ съ такимъ крутымъ и гордымъ нравомъ.

— Однако поздно!—и Гаррисонъ посмотрѣлъ на часы.—Завтра жду тебя, чтобы услышать о твоихъ похожденіяхъ.

— Приду,—обѣщалъ Робертсъ:—тебя заинтересуетъ мой разсказъ.

— О фальшивыхъ монетчикахъ?

— Нѣтъ, ихъ я, къ сожалѣнію, еще не накрылъ, хотя и близокъ къ этому. Но въ поискахъ за ними я натолкнулся на другую исторію. Ну, ужъ и въ положеньице я попалъ! Завтра разскажу подробно. Это тоже

уголокъ изъ «лабиринта души», какъ ты прекрасно выразился. Представь себѣ высшее благородство и глубочайшую порочность, выростающія изъ одного и того же корня. Развитіе дѣйствія было въ высшей степени драматично, а кончилось все трагедіей въ средневѣковомъ духѣ.

— Это интересно. Смотри же, завтра вечеромъ жду тебя въ своей кельѣ.

— Хорошо!—отвѣтилъ Робертсъ, и они разстались.

Въ назначенный часъ на слѣдующій день Робертсъ явился къ своему другу. Тотъ угостилъ его на славу, и они удобно усѣлись въ маленькой гостиной. Робертсъ началъ свое повѣствованіе.

— Мы съ тобой разстались на томъ, что я долженъ былъ ѣхать въ Брэндонъ, маленькій городишка въ Массачузетсѣ. Я надѣялся найти тамъ слѣды моихъ фальшивыхъ монетчиковъ. Мнѣ донесли, что туда ежедневно приходитъ нѣсколько писемъ, подъ литерами X. Y. Z. Это было

подозрительно и требовало разслѣдованія. Переговоривши съ кѣмъ слѣдуетъ, я поѣхалъ, окрыленный надеждой, что наконецъ найду исходную точку для своихъ розысковъ. Погода была отличная, мѣстность красивая, но мнѣ было не до того. Прибывши въ Брэндонъ, я немедленно отправился къ почтмейстеру, представился ему, какъ агентъ, и объяснилъ цѣль своего посѣщенія.

Онъ съ большой готовностью показалъ мнѣ сумку, гдѣ находилась переписка подъ литерами X. У. Z. Это были письма, очень похожія другъ на друга, за исключеніемъ одного. Всѣ они были изъ разныхъ концовъ Сѣверной Америки. На одномъ изъ нихъ, непохожемъ на другія, на голубомъ конвертѣ, въ уголкѣ, была надпись: «до востребованія».

Я уложилъ письма обратно въ сумку и поинтересовался узнать, кто приходитъ за этими письмами.

— Совершенно незнакомый намъ человѣкъ, да и въ округѣ его никто не знаетъ.

Обыкновенно онъ пріѣзжаетъ въ брэкѣ къ вечеру, когда совсѣмъ стемнѣетъ, молча получаетъ письма и спѣшитъ въ обратный путь.

— Опишите мнѣ его наружность!—попросилъ я.

— Извольте. Это высокій, худой, сутуловатый, поразительно блѣдный субъектъ; онъ производитъ впечатлѣніе безобиднаго, ничтожнаго человѣка. Но взглядъ его острыхъ проницательныхъ глазъ крайне непріятенъ.

По этому описанію я ясно представилъ себѣ этого человѣка; такой типъ мнѣ попадался.

— Нельзя ли мнѣ посмотрѣть на него?

— Сдѣлайте одолженіе, — согласился почтмейстеръ.—Приходите сюда незадолго до семи часовъ, и вы непремѣнно его увидите.

Я такъ и рѣшилъ сдѣлать и собирался уже уходить съ почты, но едва не былъ сбитъ съ ногъ какимъ-то молодымъ человѣкомъ. Онъ такъ торопился, что не замѣтилъ меня.

— Простите,—онъ вѣжливо поклонился, вошелъ въ почтовую контору и спросилъ, нѣтъ ли писемъ подъ буквами X. У. Z?

Почтмейстеръ украдкой подозвалъ меня.

— Что мнѣ дѣлать?—шепнулъ онъ:— этого человѣка я еще никогда не видѣлъ, а онъ требуетъ письма подъ этими таинственными буквами.

— Дайте ему всю сумку, а тамъ мы посмотримъ, что онъ съ ней станетъ дѣлать.

Пока незнакомецъ перебиралъ содержимое сумки, я старался хорошенько разсмотрѣть его. На видъ это былъ человѣкъ хорошаго общества, симпатичный, стройный. Пріятному впечатлѣнію мѣшала какая-то нервность и растерянность, особенно проявившаяся при чтеніи писемъ. Съ выраженіемъ удивленія пробѣгалъ онъ письма и клалъ ихъ обратно на столъ. Только голубой конвертъ, видимо, его заинтересовалъ; онъ оставилъ его въ рукѣ, а остальныя письма уложилъ обратно въ сумку.

— Здѣсь, вѣроятно, еще кто-нибудь получаетъ письма подъ этими буквами, — сказалъ онъ вполголоса:—вся эта корреспонденція не ко мнѣ.

Онъ поклонился намъ и, положивъ одно письмо въ карманъ, удалился.

— А теперь,—сказалъ я почтмейстеру,— разрѣшите мнѣ въ интересахъ правосудія взглянуть на всѣ эти X. У. Z. Они вѣдь теперь распечатаны.

Почтмейстеръ сначала воспротивился, говорилъ о неприкосновенности чужой переписки, о превышеніи власти и т. д., но мнѣ удалось успокоить его щепетильность, и я завладѣлъ сумкой. Я съ жадностью набросился на нее, но испыталъ полное разочарованіе. Всѣ письма содержали только адреса и марки для отвѣта.

Меня это раздражило: это—какое-нибудь глупое мошенничество, объявленіе о вѣрномъ средствѣ пріобрѣсти богатство или долго жить, и все это за одну почтовую марку! Идутъ же люди на такую удочку!

Со злостью швырнулъ я всю кучу на столъ и собирался ихъ запихать въ сумку, когда мнѣ бросился въ глаза еще одинъ исписанный листъ. Я не вѣрилъ своимъ глазамъ: это было письмо изъ голубого конверта, которое молодой человѣкъ при мнѣ сунулъ себѣ въ карманъ. Точно наважденіе какое-то! Я ломалъ себѣ голову надъ этимъ и нашелъ подходящее объясненіе лишь въ томъ, что незнакомецъ, по разсѣянности или торопливости, положилъ въ карманъ чужое письмо, а свое оставилъ; онъ ихъ держалъ цѣлую кипу въ рукахъ. Я не могъ не воспользоваться случаемъ проникнуть въ тайну этого господина. Мнѣ казалось, что онъ непремѣнно причастенъ къ какому-нибудь темному дѣлу, вродѣ моихъ фальшивыхъ монетчиковъ.

Содержаніе письма, писаннаго измѣненной рукой, было странное: «Все идетъ хорошо. Моментъ дѣйствовать наступилъ, удача обезпечена. Будь сегодня въ 9 вечера у сѣверо-восточнаго угла оранжереи,

тамъ тебѣ дадутъ маску и все, что нужно для выполненія твоей задачи. Неожиданностью его одолѣемъ. Пароль нашъ: «рукопожатіе».

— А, здѣсь что-то кроется!—подумалъ я и, повинуясь внезапному наитію, переписалъ эти нѣсколько словъ въ записную книжку, а въ письмѣ осторожно стеръ слово «сѣверо-восточный» и написалъ вмѣсто него «юго-западный». Затѣмъ всунулъ письмо въ сумку и сталъ ждать, когда вернется молодой человѣкъ въ поискахъ за потеряннымъ письмомъ. Мои ожиданія оправдались; онъ, озабоченный, вернулся, получилъ письмо и поспѣшно ушелъ.

Я побаивался за то, что натворилъ у него въ письмѣ, но утѣшалъ себя мыслью, что онъ никогда не догадается и рѣшитъ, что ему показалось «сѣверо-восточный» вмѣсто «юго-западный». Ты себѣ представляешь, съ какимъ азартомъ я бросился искать слѣдъ! Прежде всего я справился у почтмейстера, у кого изъ окрестныхъ жителей была оранжерея въ саду.

— Только у Бенсона,—сразу отвѣтилъ онъ: — остальные слишкомъ бѣдны, чтобы позволить себѣ такую роскошь. А у него все есть: и паркъ, и фонтаны, и оранжереи.

— Кто онъ такой этотъ Бенсонъ?

— Какъ вамъ сказать?—задумался чиновникъ.—Это самый богатый человѣкъ въ округѣ, но зато и самый несимпатичный. Два года тому назадъ онъ пріѣхалъ сюда изъ Бостона и сталъ себѣ воздвигать по истинѣ королевское жилище. А зачѣмъ ему это—неизвѣстно: у него никто не бываетъ. Онъ довольствуется обществомъ своихъ дѣтей. Молодой Бенсонъ очень занятъ своимъ садомъ, подстригаетъ деревья, подвязываетъ виноградъ и, видимо, доволенъ такой жизнью. Его сестра—не особенно: она любитъ людей, общество, а этого старый Бенсонъ ее лишаетъ. Вѣроятно, онъ никого не считаетъ достойнымъ своего общества и своихъ хоромъ. Но лучше всего то, что самъ онъ ютится въ своемъ рабочемъ ка-

бинетѣ и въ своихъ палатахъ почти не бываетъ.

— Стало быть, это занятой человѣкъ?

— Вѣроятно, хотя никто не знаетъ, чѣмъ онъ занятъ.

Меня начало все это интересовать.

— А какъ онъ нажилъ свое богатство?

— Никто не вѣдаетъ. Онъ богатѣетъ, не прилагая къ этому видимыхъ стараній. Когда онъ появился здѣсь, онъ былъ уже богатъ, а теперь, я думаю, утроилъ свое состояніе.

— Можетъ быть, онъ играетъ на биржѣ?

— Если играетъ, то поручаетъ это сыну. Самъ онъ никогда не выѣзжаетъ изъ дому.

— У него двое дѣтей, говорите вы?

— Дочь и сынъ. Сынъ молодъ и красивъ, не особенно популяренъ, но пользуется уваженіемъ. Онъ не располагаетъ къ пріятельскимъ отношеніямъ, для этого онъ слишкомъ серьезенъ и сдержанъ, но его ни въ чемъ нельзя упрекнуть. Жаль, что его такъ рѣдко видно.

— Сколько ему лѣтъ?

— Тридцать.

— А дочери?

— Двадцать четыре.

— А ихъ мать жива?

— Умерла за годъ до ихъ пріѣзда сюда. Много болтаютъ о ея смерти, но близкіе о ней никогда не говорятъ.

— Они вообще, должно быть, не сообщительны?—замѣтилъ я.

— Совершенно вѣрно,—согласился почтмейстеръ.—И, конечно, не отъ нихъ я узналъ, что еще гдѣ-то обрѣтается младшій сынъ Бенсона. Мнѣ лучше, чѣмъ кому другому, извѣстно, что ни онъ имъ, ни они ему не пишутъ.

Нашъ разговоръ былъ прерванъ, и я сталъ смотрѣть на улицу. Передъ почтовой конторой, какъ это всегда бываетъ въ маленькихъ городахъ, къ часу выдачи писемъ собралась кучка народу. Мнѣ хотѣлось послушать, не станетъ ли кто говорить о Бенсонахъ, которые, по

отзывамъ почтмейстера, такъ занимали общественное мнѣніе. Дѣйствительно, вскорѣ я услышалъ ихъ имя и насторожилъ уши. Что-то таинственное рѣяло надъ этой семьей и, даже если бы я и не считалъ ихъ замѣшанными въ какое-нибудь подозрительное дѣло, для меня они все-таки представляли бы огромный интересъ.

— Маскарадъ?—услышалъ я.—Вы говорите, Бенсоны устраиваютъ маскарадъ? Да вѣдь у нихъ до сихъ поръ и трехъ человѣкъ не бывало въ домѣ!

— Это вѣрно,—согласился другой голосъ:—но тѣмъ не менѣе они задаютъ балъ и пригласили много народа изъ Клейтона, Голлоуэлля и еще откуда-то. Изъ здѣшнихъ же никого.

— Должно быть,—сообразилъ третій,— миссъ Кэрри такъ пристала къ отцу, что онъ, наконецъ, согласился устроить балъ. Сегодня день ея рожденія.

— Но для чего имъ понадобился маскарадъ?—спрашивалъ первый.—Никогда такой

гадости у насъ еще не бывало. Развѣ это не грѣхъ рядиться въ какія-то маски, костюмы и показываться такими нехристями? Не понимаю стараго Бенсона: то запираетъ наглухо свой домъ, то пускается на такія штуки. Насъ онъ не пригласилъ.

— Насъ тоже,—послышались голоса.

— Мы, вѣроятно, недостаточно приличны для этого барина,—высказалъ предположеніе одинъ, похожій на мясника.—Я слышалъ, что ворота будутъ заперты и никого безъ пригласительнаго билета не впустятъ.

— Скажите пожалуйста! Мнѣ на это наплевать: влѣземъ на заборъ и все увидимъ, если захотимъ.

— Какъ вы думаете, молодой Бенсонъ приметъ участіе въ маскарадѣ?

— Ну, нѣтъ, онъ слишкомъ для этого серьезенъ.

Разговоры вдругъ прекратились, и наступила тишина. На улицѣ показался молодой человѣкъ верхомъ, и я догадался, что онъ и былъ предметомъ послѣдняго

замѣчанія. Высокій, стройный, онъ былъ очень изященъ, но сдержанность его смахивала на высокомѣріе. Едва наклонивши голову, онъ проѣхалъ мимо собравшихся, бросилъ поводья слонявшемуся тутъ мальчишкѣ и прошелъ на почту. Затѣмъ вышелъ съ письмами въ рукѣ и, обмѣнявшись нѣсколькими словами съ кѣмъ-то, сѣлъ на лошадь. Тутъ я его разсмотрѣлъ, и, по правдѣ скажу, онъ мнѣ не понравился. Безспорно красивый, съ правильными чертами, отличнымъ цвѣтомъ лица, онъ все-таки внушалъ мнѣ какую-то антипатію. Можетъ быть, это происходило оттого, что его лицо было непроницаемо, а по опыту ты знаешь, насколько это часто бываетъ подозрительнымъ признакомъ для характеристики человѣка. Въ его глазахъ нельзя было ничего прочесть. Когда онъ отъѣхалъ, его проводили почтительнымъ шопотомъ. «Онъ холоденъ, какъ ледъ,— подумалъ я:—ему недостаетъ только прозрачности льда». Послѣ того, какъ я узналъ

о маскарадѣ, слова «маска» и «рукопожатіе» пріобрѣли для меня болѣе невинное значеніе, хотя я не могъ отдѣлаться отъ мысли, что все-таки тутъ кроется что-то таинственное.

Ты знаешь, какъ заманчиво для меня все таинственное, къ тому же мнѣ нечего было дѣлать; я рѣшился на экскурсію въ область человѣковѣдѣнія, чтобы пополнить свои познанія. Кто меня интересовалъ,—это незнакомецъ съ голубымъ конвертомъ и его отношенія къ Бенсонамъ. Приглашеніе на свиданіе въ оранжереѣ, безъ сомнѣнія, было написано однимъ изъ членовъ семьи.

Если меня не обманывало мое чутье, то свиданье было построено на обдуманномъ планѣ, да и весь балъ, вѣроятно, служилъ только предлогомъ, чтобы замаскировать это свиданье.

Было четыре часа. До назначеннаго времени оставалось пять часовъ. Поразмысливъ, я велѣлъ осѣдлать лошадь (я остановился въ гостиницѣ противъ почты)

и поѣхалъ на развѣдки вокругъ виллы Бенсона. По дорогѣ мнѣ пришло въ голову попробовать пробраться въ самую виллу, чтобы посмотрѣть, стоитъ ли возиться съ этимъ дѣломъ. Но что выдумать, подъ какимъ предлогомъ потревожить обитателей виллы въ такой неурочный часъ? Въ голову ничего не приходило, а между тѣмъ я уже приблизился къ виллѣ, обнесенной высокой желѣзной рѣшеткой. Садъ, насколько видѣлъ глазъ, былъ тѣнистый и содержался великолѣпно. Приготовленія къ празднику были въ полномъ ходу, прислуга сновала озабоченно взадъ и впередъ, и я видѣлъ, какъ къ кустамъ и деревьямъ прикрѣпляли цвѣтные фонарики. Вдругъ меня осѣнила мысль, что старый Бенсонъ, живущій затворникомъ, врядъ ли будетъ заниматься приготовленіями къ балу. Можно было бы его повидать, но подъ какимъ предлогомъ? Идея, которая мнѣ пришла въ голову, была, конечно, смѣлая, но исполнимая. Я вынулъ визитную карточку, написалъ на ней: «по

важному дѣлу»—и преспокойно, съ видомъ большого барина, въѣхалъ въ ворота. Если бы я пришелъ пѣшкомъ, это бы, вѣроятно, такъ гладко не сошло, но мой конь импонировалъ людямъ. Такъ же небрежно, какъ это дѣлалъ молодой Бенсонъ, бросилъ я поводъ конюху и готовъ былъ уже позвонить у дверей, но на порогѣ показался старый слуга и съ испуганнымъ видомъ преградилъ мнѣ дорогу.

— Мистеръ Бенсонъ сегодня никого не принимаетъ!

— Я пріѣхалъ по дѣлу,—сказалъ я и подалъ ему карточку, на которую онъ посмотрѣлъ въ недоумѣніи.

— Это все равно,—пожалъ онъ плечами:—мнѣ данъ строгій приказъ никого не принимать.

— Но мой случай исключительный,—настаивалъ я.—Дѣло важное и касается лично м-ра Бенсона. Скажите ему это, и вы увидите, что онъ меня велитъ принять.

Слуга недовѣрчиво покачалъ головой, но впустилъ меня.

— Я попрошу сюда молодого барина,— предложилъ онъ.

Но мнѣ именно этого не хотѣлось, я стремился видѣть отца.

— Это совершенно лишнее, — рѣшительно сказалъ я:—если м-ръ Бенсонъ не боленъ, я настаиваю на томъ, чтобы вы обо мнѣ доложили.

И, не ожидая отвѣта, я прямо вошелъ въ открытую дверь пріемной и усѣлся на первое попавшееся кресло. Такой рѣшительный образъ дѣйствій произвелъ должное впечатлѣніе, и старикъ поплелся докладывать обо мнѣ, что-то бормоча себѣ подъ носъ.

Въ домѣ Бенсона было много роскоши и вкуса, во всемъ сквозило тонкое пониманіе искусства. Я разглядывалъ картины и окружавшіе меня предметы, какъ вдругъ раздался шумъ голосовъ въ передней. Женщина и мужчина разговаривали вполго-

лоса, но мой острый слухъ воспринималъ ясно ихъ слова.

— Сегодня день, полный волненій,—говорилъ женскій голосъ.—Я нѣсколько разъ все собиралась спросить, что ты обо всемъ этомъ думаешь? Удастся ли ему на этотъ разъ воспользоваться случаемъ? Неудача будетъ для него ужасна. Отецъ...

— Тише!—прервалъ говорившую мужской голосъ:—помни, что успѣхъ зависитъ отъ твоего благоразумія и осторожности. Лишнее слово, и твой планъ рухнетъ!

— О, я буду осторожна, но скажи мнѣ, ты вѣришь въ успѣхъ?

— Отчего же? Но меня это такъ мало касается.

Тонъ былъ рѣзокъ, но собесѣдница, очевидно, не уловила этого и проговорила ласково и тепло:

— Какой ты добрый, сколько въ этомъ утѣшенія для меня!

Вошелъ слуга съ моей карточкой въ рукѣ.

— М-ръ Бенсонъ желаетъ знать цѣль ва-

шего посѣщенія, — сказалъ онъ такъ громко что я побоялся, не услышали бы изъ передней.

Я взялъ у него карточку и надписалъ: «по порученію инспектора полиціи»; я узналъ, что братъ почтмейстера занимаетъ эту должность. Онъ посмотрѣлъ на карточку, видимо изумился и быстро проговорилъ:

— Ну, тогда идите лучше прямо со мной!

Мнѣ это было на руку, иначе тѣ, которые были въ передней, увидѣли бы меня и заподозрѣли бы въ подслушиваніи. Но я еще не успѣлъ выйти, какъ въ комнату вошла молодая дѣвушка, удивленно взглянула на меня и спросила, совершенно меня игнорируя:

— Іонасъ, что это за господинъ и куда вы его ведете?

— Онъ по дѣлу, барышня, и его приказано принять.

Какая-то тѣнь пробѣжала по ея милому личику.

— Мнѣ казалось, — наморщивши лобъ, сказала она: — что отецъ приказалъ никого не впускать къ нему въ кабинетъ сегодня?

Она задумалась, а я воспользовался этимъ, чтобы быстро послѣдовать за слугой.

Они всѣ, видимо, были озабочены одной мыслью: никого сегодня не допускать къ старому Бенсону.

Я очутился передъ запертой дверью кабинета Бенсона, которую онъ самъ отворилъ, послѣ того, какъ слуга постучалъ и прошепталъ ему нѣсколько словъ.

Я оглядѣлъ съ любопытствомъ этого человѣка, о которомъ ходили такіе странные слухи. Его лицо, обрамленное сѣдой бородой, и сѣдая голова были очень характерны, а выраженіе лица меланхолическое.

— Васъ прислали изъ полиціи? Могу я узнать, по какому дѣлу? — спросилъ онъ.

— М-ръ Бенсонъ, — началъ я храбро: — вы сегодня устраиваете маскарадъ. Такое необычное происшествіе возбуждаетъ понятное любопытство жителей. Конечно,

молодежь вечеромъ возьметъ приступомъ рѣшетку вашего сада, чтобы посмотрѣть на празднество. Поэтому инспекторъ Уайтъ прислалъ меня спросить, не потребуется ли вамъ нѣсколько полицейскихъ на случай, если нужно будетъ удалить какихъ-нибудь непрошенныхъ гостей. Онъ предлагаетъ вамъ свои услуги.

— Это очень мило съ его стороны,—отвѣтилъ Бенсонъ, видимо, обезпокоенный моимъ сообщеніемъ, но прекрасно владѣя собой.—Я объ этомъ не подумалъ. Присутствіе любопытныхъ было бы очень нежелательно; они, пожалуй, еще ворвутся и въ домъ,—сказалъ онъ точно про себя, затѣмъ обратился ко мнѣ:—Кто вы такой?

На секунду я смутился, но сейчасъ же отвѣтилъ смѣло:

— Уайтъ часто беретъ меня въ помощь. Если я вамъ нуженъ и вы хотите обо мнѣ имѣть свѣдѣнія, напишите...

Онъ перебилъ меня:

— Вы считаете возможнымъ удалить изъ моего дома всѣхъ непрошенныхъ гостей?—спросилъ онъ, проницательно меня разглядывая.

— Я изо всѣхъ силъ постараюсь, — сказалъ я.

— У всѣхъ приглашенныхъ есть билеты, но контроль безсиленъ, если проберутся черезъ рѣшетку!

— Я поставлю людей вокругъ рѣшетки!—быстро предложилъ я, — и всякаго посторонняго отважу, если...—тутъ я остановился, чувствуя, что малѣйшимъ неосторожнымъ словомъ могу все испортить, — если, — продолжалъ я, —вы меня уполномочите дѣйствовать въ этомъ смыслѣ.

— Пожалуйста,—сказалъ онъ и, взявъ со стола карточку, прибавилъ:—вотъ вамъ карточка для входа въ садъ. Дѣйствуйте, не возбуждая толковъ, слѣдите за всякимъ, кто будетъ шляться вокругъ дома, заглядывать въ окна или стараться проникнуть черезъ боковую дверь. У меня особыя

причины къ тому, чтобы это распоряженіе было исполнено, и, если я останусь доволенъ порядкомъ, я васъ отблагодарю.

— Вы можете на меня разсчитывать,— сказалъ я выразительно.

Въ эту минуту я увидѣлъ въ зеркалѣ, какъ молодой Бенсонъ заглядывалъ въ дверь. Я раскланялся и вышелъ.

Какъ я и ожидалъ, у выхода подошелъ ко мнѣ Гарри Бенсонъ.

— Я васъ задержу на два слова, —сказалъ онъ вполголоса.—Іонасъ сказалъ мнѣ, что вы посланы Уайтомъ. Не откажите сообщить мнѣ, ради чего вы рѣшились сегодня безпокоить отца?

Онъ говорилъ вкрадчивымъ тономъ, и, если бы я сію минуту не видѣлъ его лица, когда онъ подслушивалъ у дверей, я, пожалуй, принялъ бы его за порядочнаго человѣка. Я отвѣтилъ совершенно откровенно на его вопросъ и предъявилъ ему входной билетъ.

— Вы хотите разставить караульныхъ сегодня въ саду?

Онъ, видимо, былъ не въ духѣ.

— Да, конечно! — подтвердилъ я.

Онъ молча повелъ меня въ сосѣднюю комнату, наполненную растеніями.

— Мнѣ кажется, — сказалъ онъ: — что ваше вмѣшательство неумѣстно и что вы совершенно напрасно обезпокоили моего отца. Если бы даже какой-нибудь любопытный и попалъ въ садъ, бѣда невелика. Въ домъ онъ не попадетъ, да и не попытается даже попасть. Мнѣ очень непріятно, что этому первому проявленію гостепріимства придается какой-то враждебный оттѣнокъ. Если уже мой отецъ и принялъ ваши услуги, то я прошу васъ ограничить свою дѣятельность и только тогда ее проявлять, когда это понадобится.

— Но вашъ отецъ ждетъ отъ меня точнаго исполненія его распоряженія. Если бы я уступилъ вашему требованію, онъ былъ бы недоволенъ, и вполнѣ основательно.

Бенсонъ посмотрѣлъ на меня испытующе. Мнѣ показалось, что онъ сейчасъ сдѣлаетъ попытку подкупить меня, но я ошибся; онъ былъ хитрѣе, чѣмъ я думалъ.

— Ну, хорошо,—согласился онъ:—если для васъ желаніе моего отца законъ, то исполняйте свою обязанность, но отъ меня помощи не ждите, если попадете въ смѣшное положеніе, благодаря какому-нибудь промаху!

Съ этими словами онъ ушелъ. Я собирался сдѣлать то же, но, услыхавъ за собой легкіе шаги, обернулся и увидѣлъ миссъ Кэрри Бенсонъ.

Она казалась взволнованной и даже не старалась скрыть это отъ меня.

— Подождите минутку,—позвала меня она.—Мнѣ сказалъ братъ, кто вы. Не можете ли вы мнѣ сказать, кто именно грозилъ, что влѣзетъ къ намъ въ садъ?

— Я не знаю ихъ именъ. Какіе-нибудь буяны, которыхъ вы врядъ ли рады будете видѣть среди вашихъ гостей.

— Я боюсь, что вы ошибаетесь; здѣсь нѣтъ такихъ людей. Мой отецъ нервенъ и мнителенъ, и вы напрасно его напугали.

Мнѣ стало смѣшно это слово «напугали» при мысли о спокойномъ, твердомъ взглядѣ этого человѣка, которымъ онъ смогъ бы удержать въ повиновеніи цѣлый взбунтовавшійся полкъ.

— Вамъ, значитъ, не хотѣлось бы, чтобы мы караулили садъ? — спросилъ я равнодушно.

— Я думаю, это будетъ лишнимъ.

— Но я обязанъ исполнить желаніе вашего отца.

— Я знаю это, — и она очаровательно улыбнулась: и вы прекрасно сдѣлали; но мы съ братомъ гораздо больше отца знакомы съ тѣмъ, какъ общество къ намъ относится, и увѣряемъ васъ, что это лишнее. Такая мѣра вызоветъ толки, и подумайте только, какъ непріятно будетъ нашимъ гостямъ, если ихъ вдругъ задержитъ полицейскій.

— Что же прикажете мнѣ дѣлать?— произнесъ я, притворяясь сдающимся.

— Взять эти деньги,—сказала она, краснѣя и подавая мнѣ кошелекъ,—и не вмѣшиваться ни во что, пока васъ не попросятъ.

Это было почти то же, что говорилъ ея братъ. Цѣль, очевидно, у обоихъ была общая, и они оба одинаково хотѣли меня провести. Я взялъ кошелекъ, подержалъ его и, покачавши головой, отвѣтилъ:

— Это невозможно, сударыня, но если вамъ хотѣлось бы, чтобы я впустилъ безпрепятственно кого-нибудь по вашему указанію, я готовъ сдѣлать это. Желаніе женщины для меня законъ.

Она слегка покраснѣла, испытующе взглянула на меня и, колеблясь, сказала:

— Да, мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы оставили въ покоѣ одного нашего гостя. Онъ, вѣроятно, побудетъ сначала въ саду, а затѣмъ уже войдетъ въ домъ.

Я поклонился и спросилъ у нея примѣты этого гостя.

— Онъ такого же роста, какъ вы, и блондинъ.

Кивнувъ мнѣ довольно высокомѣрно, она хотѣла уйти, но я удержалъ ее.

— Возьмите обратно вашъ кошелекъ. За мои услуги наградитъ меня вашъ отецъ, а отъ женщины я не принимаю наградъ, да еще за такіе пустяки!

— Возьмите!—настаивала она:—тогда я по крайней мѣрѣ буду спокойна.

— Вы можете быть спокойны и безъ этого,—очень серьезно сказалъ я ей, отдавая кошелекъ.

Она мило кивнула мнѣ головкой. Я сѣлъ на лошадь и уѣхалъ. По дорогѣ я соображалъ, не попалъ ли я въ обыкновенную любовную исторію, и не имѣло ли свиданье цѣлью похищенье дочки у чрезмѣрно строгаго отца? Къ чему тогда всѣ мои ухищренья? Я еще разъ внимательно прочелъ письмо X. У. Z. Теперь мнѣ оно ка-

залось просто любовнымъ посланіемъ. Молодые люди, вѣроятно, хотѣли застигнуть отца врасплохъ, въ присутствіи многихъ друзей. Они, быть можетъ, были давно помолвлены и хотѣли огласить это. Меня удивляли только двѣ вещи: лозунгъ и слова молодого Бенсона: «Если это не удастся, то не по моей винѣ». Тутъ было что-то подозрительное, и мнѣ хотѣлось это разгадать. Я былъ заинтересованъ въ такой степени, что забылъ все на свѣтѣ—даже фальшивыхъ монетчиковъ—для тайны семейства Бенсонъ.

VI.

Въ половинѣ восьмого я уже былъ на своемъ посту. Незнакомецъ, котораго я видѣлъ на почтѣ и который ужиналъ въ гостиницѣ одновременно со мной,—причемъ я опять обратилъ вниманіе на его нервность,—вошелъ въ садъ почти вмѣстѣ со мной и немедленно сталъ около юго-западной стѣны оранжереи. Какъ только я это увидѣлъ, я сталъ зорко наблюдать, чтобы черезъ рѣшетку съ его стороны не появился ни одинъ непрошенный гость. Къ девяти все общество собралось, и я могъ на мгновеніе пробраться къ условленному мѣсту свиданья.

Мѣсто было выбрано очень удобное, среди густого кустарника, куда совсѣмъ не прони-

калъ свѣтъ изъ ярко освѣщеннаго дома; здѣсь не было и фонариковъ, висѣвшихъ въ другихъ мѣстахъ сада. Все въ этомъ таинственномъ уголкѣ благопріятствовало моему плану.

Я напряженно прислушивался къ шуму приближавшихся шаговъ; возлѣ меня зашуршали кусты, и предо мной выросла мужская фигура, которая спросила тихо:

— Кто здѣсь?

Я молча выступилъ впередъ.

— Готовы ли вы принять рукопожатіе? — спросилъ тотъ же голосъ.

Я измѣненнымъ голосомъ отвѣтилъ:

— Я готовъ ко всему!

Тогда мнѣ бросили домино на плечи.

— Завернитесь хорошенько, тутъ есть глаза не хуже рысьихъ. И слушайтесь моихъ указаній. Вамъ нельзя идти черезъ главный ходъ, тамъ вы должны будете снять маску и назвать себя. Воспользуйтесь балконной дверью, она открыта, и сторожъ подкупленъ. Когда вы попадете

въ домъ, смѣшайтесь съ толпой и разговаривайте съ тѣми, которые вамъ скажутъ лозунгъ. Ровно въ десять осмотритесь и, когда найдете черное домино, пойдите за нимъ вслѣдъ, незамѣтно для другихъ. Оно вамъ покажетъ закрытую дверь, открывъ которую вы попадете въ маленькую комнату, сосѣднюю съ библіотекой. И еще вотъ что: если стаканъ, который вы замѣтите на столѣ, будетъ пахнуть виномъ, то, значитъ, вашъ отецъ выпилъ свое питье на ночь и ушелъ спать. Если же въ стаканѣ будетъ бѣлый порошокъ, то, значитъ, онъ придетъ еще въ эту комнату, и вы получите давно желанную возможность поговорить съ нимъ.

Сказавши все это, онъ сунулъ мнѣ въ руки черную маску и исчезъ.

Нѣсколько мгновеній я стоялъ въ оцѣпенѣніи. Положеніе мое было далеко незавидное; я даже проклялъ свою затѣю вмѣшиваться въ чужія семейныя тайны... Первымъ моимъ побужденіемъ было бро-

сить домино и маску и скрыться, но меня удерживала какая-то тайная сила. По голосу я узналъ въ незнакомцѣ Гарри Бенсона. Инструкціи его были такъ странны, что, повидимому, скрывали какую-то необычайную тайну. И это меня манило до того, что я, очертя голову, надѣлъ маску и отправился къ дому, съ указанной мнѣ Бенсономъ стороны. Балконная дверь была открыта настежь. Чрезъ нее видны были люди въ причудливыхъ костюмахъ и слышенъ былъ веселый говоръ. Я вошелъ въ залу, стараясь держать себя совершенно непринужденно.

— Ого! — воскликнулъ около меня индѣецъ въ полномъ вооруженіи. Онъ былъ, кажется, удивленъ моимъ костюмомъ, который дѣйствительно былъ довольно кричащимъ: изъ блестящаго желтаго шелка съ фантастическими фигурами и арабесками.

«Едва ли я останусь незамѣченнымъ въ такомъ костюмѣ», — подумалъ я, и, дѣй-

ствительно, ко мнѣ уже подлетѣла маленькая пастушка и кокетливо защебетала:

— А! вотъ и ты, заблудшая овца изъ моего стада!

Но такъ какъ мнѣ было не до нея, я кое-какъ ускользнулъ отъ нея, сказавши, что она ошибается, и что я не овца, а волкъ въ овечьей шкурѣ и, пожалуй, еще ее самое съѣмъ. Она убѣжала со смѣхомъ, и я остался одинъ, но ненадолго. Ко мнѣ подошла маска, которую я давно замѣтилъ сидящею одиноко въ углу залы. Она подошла и, схвативъ мою руку, отвела меня въ сторону.

— Это ты, Ричардъ? — прошептала она.—Какъ я рада, что ты здѣсь. Я надѣюсь, все теперь пойдетъ хорошо.

Я страшно смутился. Кто была эта дама? Что ей отвѣтить? Я ограничился нѣжнымъ пожатіемъ руки. Она продолжала:

— Милый Ричардъ, я такъ о тебѣ тосковала! Гарри очень хорошій братъ, но вѣдь ты былъ моимъ любимымъ товари-

щемъ. Отецъ будетъ опять такъ счастливъ, если тебѣ удастся заставить его забыть прошлое!

Теперь я зналъ, что со мной была Кэрри Бенсонъ. Чтобы не выдать себя голосомъ, я лишь пожималъ ея руку и нѣжно привлекъ ее къ себѣ.

— Тебѣ Гарри все сказалъ, что нужно дѣлать?—тихо спрашивала она.—Отецъ ни за что не хочетъ уступить и на цѣлый день заперся у себя въ комнатѣ. Я еле выпросила у него позволеніе устроить этотъ балъ. Я убѣдила его только однимъ доводомъ: что ты побоишься прійти въ домъ, когда будетъ столько гостей. Я думаю, онъ самъ не увѣренъ въ себѣ и боится, что свиданье съ тобой смягчитъ его сердце. Съ прошлаго года у него гораздо меньше силъ, я постоянно боюсь...—она вздохнула и замолчала.

Эта забота объ отцѣ тронула меня. Забывая всякую осторожность и желая ее успокоить, я осмѣлился, конечно, едва слышно, спросить:

— И ты думаешь, онъ примирится со мной, когда увидитъ меня?

— Навѣрно! Я даже знаю, что онъ по тебѣ тоскуетъ. Если бы онъ тогда въ гнѣвѣ не поклялся, что никогда тебя больше не увидитъ, онъ давно бы позвалъ тебя. Гарри тоже думаетъ, что примиреніе теперь возможно.

— А Гарри дѣйствительно желаетъ моего примиренія съ отцомъ?—хватило у меня смѣлости спросить.

Она укоризненно прошептала:

— О, Ричардъ, какъ тебѣ не стыдно спрашивать? Развѣ бы онъ позвалъ тебя сегодня, если бы самъ не жаждалъ тебя опять видѣть среди насъ? Ты сомнѣваешься въ его хорошихъ намѣреніяхъ только потому, что вы никогда другъ друга не понимали. Конечно, онъ гордъ и не умѣетъ прощать, — быть можетъ, оттого, что онъ самъ никогда не сдѣлалъ ничего дурного. Но братская любовь побѣдила его гордость, онъ хочетъ забыть прошлое и видѣть

тебя опять въ нашемъ домѣ. Ты столько выстрадалъ, мой бѣдный Ричардъ, такъ тяжко искупилъ свой грѣхъ!..

Я понялъ, что Ричардъ былъ виновенъ въ какомъ-то проступкѣ, и въ этотъ моментъ мнѣ захотѣлось быть этимъ преступникомъ, чтобы обнять эту добрую сестрицу за ея милыя слова. Не имѣя права это сдѣлать, я все-таки не пропустилъ случая сказать ей: «ты ангелъ!»

Я уже рѣшилъ незамѣтно уйти и, отыскавши незнакомца у оранжереи, отдать ему маску и домино и возстановить его въ его правахъ, но это мнѣ не удалось. Испанскій грандъ проскользнулъ между мной и Кэрри Бенсонъ и, ставши передо мной, сказалъ басомъ:

— Немногіе люди достойны искренняго рукопожатія.

Слово «рукопожатіе» дало мнѣ понять, что гидальго принимаетъ меня за того, кѣмъ я въ дѣйствительности не былъ. Положеніе опять запутывалось. Я совершенно

не соображалъ, кто былъ этотъ новый другъ. Въ крайнемъ смущеніи я могъ отвѣтить только:

— Да, это правда!

Но я не отвязался отъ него этими словами. Онъ взялъ меня подъ руку и съ живостью, не идущей къ его испанской «грандеццѣ», довѣрчиво сказалъ:

— Твой голосъ будитъ во мнѣ всевозможныя воспоминанія, милый мой! Я, вѣдь, никогда не вѣрилъ, чтобы ты совершилъ то, въ чемъ тебя обвиняютъ. Это на тебя не похоже. Быть можетъ, теперь многое объяснится, чего мы прежде не понимали. Твоя гордость не позволяла тебѣ сказать, что ты не виновенъ, однако...

— Кто вы?—спросилъ я смѣло.—Чтобы говорить о такихъ вещахъ, я долженъ знать, кто передо мной?

— Какъ, ты не узнаешь своего стараго дяди Ричарда? Я нарочно пріѣхалъ изъ Голлоуэлля, потому что Кэрри написала,

что ты дѣлаешь послѣднюю попытку встрѣтиться съ отцомъ. Эдитъ тоже здѣсь. Бѣдная дѣвочка! Она никогда не сомнѣвалась въ тебѣ, и если мое предположеніе основательно...

— Эдитъ! — прервалъ я его въ ужасѣ отъ новаго осложненія.—Гдѣ же она?— и безнадежнымъ взглядомъ искалъ я это чудо женской вѣрности.

Дядя Ричардъ понялъ мое волненіе совершенно иначе.

— Знай, что она близко, мой дорогой, но нѣтъ смысла ее отыскивать: ты все равно не узнаешь ея, въ ея нарядѣ. Если ты будешь вести себя спокойно, она потомъ къ тебѣ придетъ.

— Ты правъ, дорогой дядя,—сказалъ я:— лучше спокойно подождать. А пока сядемъ у оконной ниши, и скажи мнѣ, какія были у тебя подозрѣнія? Я чувствую, что пришло время вынести правду на свѣтъ Божій, и кто, какъ не ты, мой всегдашній другъ, въ этомъ мнѣ поможетъ?

— Это правда, ты во мнѣ не ошибаешься. Вѣдь ты не сдѣлалъ того, что о тебѣ говорятъ? Эдитъ утверждаетъ, что не ты взялъ цѣнныя бумаги изъ стола твоего отца!

Онъ испытующе посмотрѣлъ на меня, и я долженъ былъ отвѣтить первое, что пришло мнѣ въ голову:

— Не спрашивай меня!

Мое волненіе онъ принялъ совершенно естественно.

— Но, дорогой мой, я долженъ спросить, чтобы, наконецъ, узнать правду. Ты молчишь изъ великодушія, Ричардъ, но вѣдь всякому великодушію есть предѣлы.

Я рѣшилъ воспользоваться минутой и узнать у него подробности этого дѣла; я очень осторожно попросилъ его сообщить мнѣ свои предположенія. Онъ оглянулся по сторонамъ и шепнулъ:

— Имя Гарри въ связи съ этимъ дѣломъ; я убѣжденъ, что все это дѣло его рукъ.

Я представился испуганнымъ его заявленіемъ и пролепеталъ:

— Ты думаешь?..

— Да, я думаю, что это сдѣлалъ онъ, но что ты взялъ его грѣхъ на себя, зная, какъ горячо любитъ отецъ своего первенца и какъ онъ гордится имъ.

У меня невольно вырвался возгласъ удивленія, но, чтобы не выйти изъ роли и не возбудить подозрѣнія дяди Ричарда, я спросилъ его взволнованнымъ голосомъ:

— Почему ты думаешь, что это непремѣнно кто-нибудь изъ насъ двоихъ? Скажи мнѣ, что наводитъ тебя на эту мысль?

— Я знаю не больше, чѣмъ всѣ остальные въ семьѣ, т. е., что ночью твой отецъ услышалъ шумъ въ своемъ кабинетѣ. Онъ тихо всталъ, но когда вошелъ въ кабинетъ, то кто-то, крадучись, выходилъ изъ него въ другую дверь и проскользнулъ къ комнатамъ, гдѣ жилъ ты съ братомъ. Изумленный и испуганный, онъ зажегъ лампу и увидѣлъ свое бюро взломаннымъ, все въ немъ разрытымъ, а цѣнныя бумаги исчезнувшими. Онъ тотчасъ же бро-

сился къ вамъ. Твой братъ спалъ крѣпкимъ сномъ, а ты еще не ложился и, видимо, былъ взволнованъ. Ты знаешь, украденныя бумаги нашлись въ твоемъ столѣ. Отецъ обвинилъ тебя въ воровствѣ, но ты молчалъ. Только потомъ ты сталъ отрицать свою виновность. Твоему отцу никогда не приходило въ голову, что не ты совершилъ воровство; я же никогда не считалъ тебя способнымъ на такое дѣло, да и не похожъ ты былъ на преступника! Видно было, что ты покорно и съ рѣшимостью несешь свой крестъ. Но, если бы не Эдитъ, которая непоколебимо въ тебя вѣритъ, я никогда не подумалъ бы, что ты пожертвовалъ собой и допустилъ, чтобы тебя, какъ преступника, выгнали изъ дому!

— Отчего же ты теперь подозрѣваешь Гарри, а раньше этого не допускалъ?— спросилъ я.

— Во-первыхъ, потому, что Эдитъ не скрываетъ своего отвращенія къ Гарри, да и отецъ, кажется, начинаетъ разочаровы-

ваться въ его безупречности и добродѣтели. Если ты мнѣ скажешь, что онъ виновенъ, я повѣрю тебѣ.

Къ намъ приближалась стройная женская фигура въ блестящемъ бѣломъ одѣяніи.

— Это Эдитъ,—сказалъ мнѣ мой собесѣдникъ.—Она ищетъ желтое домино, подъ которымъ скрывается ея возлюбленный. Позвать ли ее, или ты подождешь, пока она сама тебя найдетъ?

— Я подожду!—рѣшительно сказалъ я и спрятался поглубже въ нишу, въ надеждѣ скрыться отъ дѣвушки.

— Вотъ видишь, она теперь бесѣдуетъ со старымъ евреемъ, который, видимо, отъ нея въ восторгѣ. Не хочешь ли ты пройтись по залѣ, мой дорогой, и поглядѣть на костюмы.

— Разговоръ между влюбленными рѣдко интересенъ для третьяго лица,—добавилъ я шутливо.

Онъ добродушно разсмѣялся и сказалъ:

— Ты, пожалуй, правъ, однако я не слышалъ еще отъ тебя, что...

— Черезъ часъ я все тебѣ скажу. Какъ только я увижу отца и открою ему всю правду, я сейчасъ тебя позову.

Мы разстались, крѣпко пожавъ другъ другу руки.

«Ну, — подумалъ я, открывая окно, — теперь время настоящему Ричарду Бенсону выступить на сцену».

Я для него сдѣлалъ то, чего бы самъ онъ никогда не сдѣлалъ: выслушалъ стараго дядю и приподнялъ немного маску этого Тартюфа Гарри. Но вести за него любовный разговоръ и предстать предъ непримиримымъ отцемъ, — этого замѣститель сдѣлать не можетъ. Я перегнулся черезъ подоконникъ и собирался уже прыгнуть, какъ взвилась ракета и я увидѣлъ, что разстояніе до земли по крайней мѣрѣ двѣнадцать футовъ. Я соображалъ, какъ бы мнѣ незамѣтно скрыться, какъ вдругъ позади меня нѣжный голосокъ прошепталъ имя «Ричардъ»! Обернувшись, я увидѣлъ особу въ бѣломъ, которую нѣсколько минутъ назадъ указалъ мнѣ дядя Ричардъ.

— Ты думалъ, что я не подойду, Ричардъ?—заговорила она ласково.—Это, правда, мнѣ едва удалось. Все меня кто-нибудь задерживалъ, а невыносимый Гарри слѣдитъ за мной такими недовѣрчивыми глазами. Мнѣ такъ хотѣлось съ тобой поговорить...

Она вдругъ вскрикнула: у ниши показался человѣкъ въ черномъ домино, заглянулъ и исчезъ.

— Это Гарри!—прошептала Эдитъ.

Я сжалъ ея руку, чтобы не показаться ей неестественно холоднымъ, а говорить я боялся.

— Я должна уйти,—сказала она со вздохомъ.—Какъ только ты поговоришь съ отцомъ, я приду къ тебѣ!

Я ея не удерживалъ, конечно, и теперь уже окончательно рѣшилъ исчезнуть возможно скорѣй, но опять мое бѣгство не удалось: черное домино стояло предо мной и коснулось моего плеча.

VII.

На большихъ стѣнныхъ часахъ пробило десять — часъ свиданія отца съ сыномъ. Много бы я далъ, чтобы очутиться въ эту минуту на сѣверномъ полюсѣ, вмѣсто того, чтобы плавать здѣсь подъ чужимъ флагомъ и изображать блуднаго сына. Но не было другого исхода, какъ смѣло принять на себя всѣ послѣдствія своего отважнаго замысла.

— Пойдемъ, — прошептало черное домино:—уже время!

Я послѣдовалъ за нимъ, не особенно увѣренный въ благопріятномъ исходѣ. Мы проходили много комнатъ, ходовъ и лѣстницъ, пока не очутились въ узкомъ коридорѣ, передъ закрытой дверью.

— Здѣсь! — кратко сказалъ онъ и исчезъ.

Я очутился въ западнѣ и положительно не зналъ, что мнѣ дѣлать. Оставаться ли и сообщить старому Бенсону все, что я сегодня узналъ, или уйти и предоставить настоящему Ричарду дать объясненія и отчетъ во всемъ происшедшемъ? И то, и другое представляло свои трудности; я рѣшился на первое: безопаснѣе было отдать себя во власть старика, чѣмъ подвергнуться горячности юноши.

Тихо отворивши дверь, я вошелъ въ маленькую комнату, сосѣднюю съ библіотекой. Она была завалена книгами; даже дверь, черезъ которую я вошелъ, изображала полку. У входа въ библіотеку стояла ширма, которую я отодвинулъ, чтобы взглянуть туда. Комната была пуста. Лампа ярко освѣщала стѣны изъ рѣзного дерева, кожаную мебель и графинъ на столѣ, рядомъ со стаканомъ. Я вспомнилъ все, что мнѣ было сказано объ этомъ стаканѣ, и

подошелъ, чтобы разсмотрѣть его. Въ этотъ моментъ мнѣ послышалось вблизи подавленное восклицаніе, но, осмотрѣвшись кругомъ, я никого не замѣтилъ. Рѣшивъ, что это обманъ слуха, я вновь взялъ стаканъ и убѣдился, что тамъ вина еще не было, а на днѣ находился какой-то бѣлый порошокъ. Значитъ, старый Бенсонъ еще не принималъ своего лекарства на ночь.

Я возвратился въ свою засаду и не прошло пяти минутъ, какъ вошелъ старый Бенсонъ, подошелъ къ столу и, взявъ стаканъ, влилъ въ него что-то похожее на вино, что онъ принесъ съ собой, и выпилъ его залпомъ. Я хотѣлъ уже дать о себѣ знать стукомъ въ стѣнку, но былъ пораженъ внезапной перемѣной въ лицѣ старика. Онъ зашатался и конвульсивно задвигалъ руками. Затѣмъ онъ, видимо, оправился и твердыми шагами пошелъ къ дверямъ, у которыхъ кто-то стучалъ.

— Кто тамъ?—спросилъ онъ.

— Это я, Гарри,—былъ отвѣтъ.

— Съ тобой никого нѣтъ? — спросилъ онъ и взялся за дверь, чтобы открыть ее.

— Только Кэрри, больше никого.

Старикъ открылъ дверь, но вдругъ опять зашатался и упалъ; смертельная блѣдность покрыла его лицо, и вошедшія дѣти застали его бездыханнымъ на полу. Кэрри закричала и бросилась къ отцу.

— Онъ умеръ! съ воплемъ вырвалось у нея. — О, Гарри, что могло случиться? Неужели Ричардъ?..

— Тише,—перебилъ ее братъ. Онъ былъ очень блѣденъ.—Я посмотрю, нѣтъ ли его по близости, и горе ему, если онъ въ этомъ виновенъ!

Онъ зашагалъ по направленію къ моей засадѣ. Я мигомъ сообразилъ ужасъ своего положенія, а выхода не было.

Тутъ я замѣтилъ портьеру между библіотекой и моей засадой; она падала тяжелыми складками.

Мнѣ удалось въ ней спрятаться. Гарри бросилъ лишь бѣглый взглядъ и, увидѣвъ

на полу домино и маску, вернулся, видимо, очень довольный.

— Онъ убѣжалъ, Кэрри, убивъ раньше нашего отца. Зачѣмъ я повѣрилъ ему?

Все это было сказано съ театральнымъ паѳосомъ.

Она вскрикнула, внѣ себя отъ ужаса, а у меня сорвалось сквозь зубы: «негодяй!»

Въ это время старый Іонасъ оповѣстилъ всѣхъ о случившемся, и гости бросились въ библіотеку; впереди всѣхъ дядя Ричардъ и Эдитъ.

Трудно описать, что тутъ произошло. Стали требовать доктора, который, по счастью, находился среди присутствовавшихъ. Онъ могъ только констатировать смерть.

Гарри одинъ сохранялъ полное самообладаніе; только, когда докторъ сказалъ, что нужно серьезно разслѣдовать причину смерти, молодой Бенсонъ слегка вздрогнулъ и отвернулся. И еще я замѣтилъ у него тревогу, когда докторъ взялъ стаканъ,

долго его нюхалъ и, покачавши головой, поставилъ обратно на столъ.

Въ десять минутъ домъ опустѣлъ и погрузился во мракъ. Подъ наблюденіемъ Кэрри тѣло отца отнесли въ его спальню, а въ библіотекѣ остались Гарри, дядя и докторъ.

— Это ужасно, — сказалъ подавленный всѣмъ случившимся дядя:—не знаете ли вы, докторъ,—не страдалъ ли покойный: порокомъ сердца?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ докторъ: — еще мѣсяцъ назадъ онъ былъ совершенно здоровъ. Я его свидѣтельствовалъ передъ тѣмъ, какъ онъ написалъ свое завѣщаніе.

— Такъ мой отецъ съ вами совѣтовался?—переспросилъ напряженно Гарри.— Развѣ это не даетъ повода думать, что онъ чувствовалъ себя нехорошо?

Докторъ пожалъ плечами.

— Можетъ быть, ему казалось это, но я повторяю, что онъ былъ совершенно здоровъ. Но спокоенъ онъ не былъ.

— Почему вы думаете?—спросилъ Гарри.

— Я ничего не думаю,—съ удареніемъ отвѣтилъ докторъ.—Я только знаю, что въ стаканѣ, который м-ръ Бенсонъ выпилъ, была синильная кислота: запахъ горькаго миндаля убѣждаетъ меня въ этомъ.

— Ядъ?—вырвалось съ ужасомъ у присутствовавшихъ.

— Я этого не скрываю, — продолжалъ докторъ:—совершенно безполезно скрывать самоубійство. Во всякомъ случаѣ необходимы вскрытіе трупа для выясненія причины смерти, опечатаніе бумагъ и остальныя формальности. Говорю вамъ, какъ опытный человѣкъ.

При словѣ «самоубійство» лицо Гарри прояснилось, но онъ притворился озабоченнымъ и сказалъ:

— Я не допускаю, чтобы отецъ наложилъ на себя руки. Конечно, у него было огромное горе, а это подкапываетъ

даже и сильныхъ людей и доводитъ ихъ до отчаянія.

Докторъ отвѣчалъ:

— Я могу думать лишь о самоубійствѣ, если не будетъ доказано, что ядъ выпитъ по ошибкѣ. Этому, впрочемъ, трудно повѣрить.

— Порошокъ находился въ стаканѣ, сестра всыпала его передъ тѣмъ, какъ идти одѣваться, чтобы отецъ не забылъ его выпить,—сказалъ Гарри.

— Виноватъ, — проговорилъ старый Іонасъ, который уже нѣсколько минутъ былъ въ комнатѣ.—Если вы думаете, что баринъ отравился, вы ошибаетесь. Я вамъ разскажу, что я видѣлъ своими глазами.

Вмѣшательство стараго слуги, видимо, какъ громомъ поразило Гарри.

— Что вы можете разсказать, когда отецъ заперся и никого къ себѣ не впускалъ!

— Я знаю это,—сказалъ Іонасъ:—но я говорю о томъ желтомъ домино, кото-

рое сновало взадъ и впередъ, затѣмъ заглядывало черезъ балконъ и наконецъ стояло здѣсь передъ столомъ и держало стаканъ, приготовленный барышней для барина. Я не могъ видѣть, что онъ тутъ дѣлалъ, но страшно перепугался, увидѣвши его въ библіотекѣ, которую баринъ всегда запиралъ. Я побѣжалъ за вами, но не нашелъ васъ нигдѣ, а когда вернулся, то мой бѣдный баринъ уже былъ мертвъ!

Докторъ внимательно слушалъ.

— Ваше показаніе очень важно,—сказалъ онъ:—когда начнется слѣдствіе, васъ призовутъ.

Затѣмъ онъ обратился къ Гарри:

— Имѣете ли вы понятіе, кто такой скрывался подъ этимъ желтымъ домино?

Наступила пауза. Я видѣлъ, какъ дядя Ричардъ бросилъ умоляющій взглядъ на племянника, но тотъ сдѣлалъ видъ, что этого не замѣчаетъ.

— Докторъ, —сказалъ онъ, будто бы дѣлая усиліе:—въ желтомъ домино былъ

мой братъ Ричардъ, котораго отецъ изгналъ изъ дому. Сегодня онъ хотѣлъ просить у отца прощенія, и мы съ сестрой старались помочь ему въ этомъ. Я сдѣлалъ больше: открылъ ему библіотеку и самъ проводилъ его сюда. Если бы я могъ предвидѣть, что произойдетъ! Но я любилъ брата и вѣрилъ ему...—онъ остановился, точно убитый горемъ, и опустился въ кресло, закрывая лицо руками.

Докторъ, не имѣвшій причинъ не довѣрять молодому человѣку, поддался этой хорошо разыгранной комедіи.

— М-ръ Бенсонъ, — сказалъ онъ съ участіемъ:—я всей душой сочувствую вашему горю. Если вашъ братъ здѣсь...

— Докторъ, — перебилъ его Гарри, съ притворнымъ порывомъ схватывая его руку. — Вы всегда были другомъ отца, будьте и нашимъ другомъ. Я вамъ открою тайну, которую мы долго скрывали: три года тому назадъ мой братъ былъ пойманъ отцомъ, когда похищалъ у него цѣнныя

бумаги изъ стола. Это повлекло за собой изгнаніе брата. Много разъ онъ пытался увидѣться съ отцомъ, но тотъ никогда не допускалъ его къ себѣ. Сегодня же мы подготовили вмѣстѣ съ сестрой примиреніе. Это, вѣроятно, такъ взволновало отца, что онъ предпочелъ смерть свиданью съ сыномъ, который причинилъ ему столько горя.

Докторъ возразилъ:

— Странное объясненіе! Но почему вашего брата здѣсь нѣтъ? Вѣдъ съ той минуты, когда его видѣлъ слуга, до смерти вашего отца прошло очень мало времени. Онъ былъ свидѣтелемъ того, какъ вашъ отецъ выпилъ роковой напитокъ. Почему онъ такъ быстро скрылся? Не было ли чего-нибудь, кромѣ волненія, что побуждало его бѣжать?

— Не могу отвѣтить на этотъ вопросъ,— сказалъ Гарри.—Я не допускаю мысли, чтобы Ричардъ былъ способенъ на такое страшное преступленіе. Отъ воровства до отцеубійства цѣлая пропасть. И даже, если

бы онъ былъ въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, то едва ли бы онъ рѣшился такимъ образомъ получить свою долю въ наслѣдствѣ послѣ отца. Нѣтъ, мой отецъ самъ отравился, и Ричардъ въ этомъ не виновенъ.

— А кто смѣетъ обвинять его въ такомъ преступленіи? — прозвучалъ вдругъ громкій голосъ.

Всѣ повернулись: въ дверяхъ, выпрямившись, разгнѣванная, стояла Эдитъ Бенсонъ.

— Ты, Эдитъ!—пробормоталъ Гарри и взглядъ, который онъ на нее бросилъ, доказалъ мнѣ, что онъ любилъ эту прекрасную дѣвушку.—Уходи къ Кэрри, здѣсь тебѣ не мѣсто; подожди насъ внизу.

— Мое мѣсто тамъ, гдѣ произносятъ имя Ричарда Бенсона, — холодно отвѣтила она ему.—Я его невѣста, и вотъ я опять спрашиваю: кто посмѣлъ подозрѣвать въ такомъ позорномъ дѣяніи самаго честнаго и великодушнаго человѣка?

— Никто,—поспѣшилъ сказать Гарри:—я только говорилъ...

Она остановила его презрительнымъ движеніемъ руки и обратилась къ доктору:

— Вѣдь вы не высказали подозрѣнія на Ричарда Бенсона? Вы не знаете его, никто его не знаетъ! Собственный отецъ не оцѣнилъ его. Но мой отецъ и я знаемъ, что ни на что безчестное онъ не способенъ. Если дядя Бенсонъ отравленъ, то скорѣе вотъ кто,—она гнѣвнымъ жестомъ указала на Гарри,—приложилъ руку къ этому дѣлу, а не его несчастный, отвергнутый братъ.

На мгновеніе Гарри Бенсонъ былъ ошеломленъ этимъ неожиданнымъ, брошеннымъ ему вызовомъ, но черезъ минуту съ полнымъ самообладаніемъ отвѣтилъ:

— Ты забываешься, Эдитъ, но я прощаю тебя, такъ какъ ты потрясена случившимся. Видите ли, докторъ, Эдитъ была помолвлена съ моимъ братомъ, и въ ея глазахъ онъ мученикъ и невинная жертва. Къ сожалѣнію, она жестоко ошибается. Кэрри и я знаемъ навѣрно, что онъ тогда совершилъ воровство. Но дѣло не въ прош-

ломъ, а въ томъ, что его пріѣздъ такимъ роковымъ образомъ сплетается со смертью нашего отца...—онъ остановился съ ловко разсчитаннымъ на эффектъ волненіемъ.

— Это неправда,—закричала Эдитъ съ пылающимъ лицомъ. — Пусть только онъ придетъ, онъ долженъ все сказать,—даже если бы мы всѣ этого не хотѣли!

Дѣвушка была дивно хороша, защищая своего жениха, но доктора она, кажется, не убѣдила.

— Мы не можемъ вѣрить въ его невиновность, пока она не будетъ доказана. Почему его здѣсь нѣтъ?—замѣтилъ докторъ.

— Онъ придетъ, — убѣжденно сказала Эдитъ.

— Это было бы, конечно, нѣкоторымъ доказательствомъ его невиновности, — согласился докторъ.

— Ну, такъ вы получите это доказательство!—воскликнулъ я, повинуясь внезапному порыву, и, накинувши домино и надѣвши маску, смѣло вышелъ изъ своей засады.

VIII.

Мое появленіе произвело впечатлѣніе громового удара; всѣ точно окаменѣли. Эдитъ первая пришла въ себя и бросилась ко мнѣ съ крикомъ радости. Я отвелъ ея руку и подошелъ къ Гарри Бенсону.

— На основаніи чего обвиняютъ желтое домино въ убійствѣ?

Я не измѣнялъ больше своего голоса, и это поразило его. Столько было страха въ его словахъ, когда онъ спросилъ:

— Вы развѣ не Ричардъ? Вашъ голосъ такъ мало знакомъ мнѣ. Вѣдь вамъ я далъ въ саду домино и проводилъ васъ сюда?

— Конечно,—отвѣтилъ я:—и я тотъ, кто здѣсь, за ширмами, наблюдалъ все происходившее. Если м-ра Бенсона отра-

вилъ человѣкъ въ желтомъ домино, то это я: до сихъ поръ, кромѣ меня, никого не было въ желтомъ домино. Это могутъ засвидѣтельствовать и этотъ господинъ, который назвалъ мнѣ себя дядей Ричардомъ, и эта дама, которую зовутъ миссъ Эдитъ.

Пока я говорилъ, на лицѣ Гарри Бенсона, страшно поблѣднѣвшемъ, чередовались страхъ, надежда и гнѣвъ. Онъ подскочилъ ко мнѣ.

— Кто вы? Снимите маску, чтобы увидѣли, кто отважился въ такой моментъ шутить такія шутки надъ нами!

— Потерпите еще немного, — хладнокровно отвѣтилъ я.—Прежде я хочу, чтобы всѣ засвидѣтельствовали, что я дѣйствительно былъ на балу въ желтомъ домино.

— М-ръ Бенсонъ,—обратился я къ отцу Эдитъ:—помните слова, съ которыми вы подошли ко мнѣ?

— О, да, я сказалъ вамъ: рѣдкіе люди достойны искренняго рукопожатія.

— Я отвѣтилъ вамъ: «да, это правда». Послѣ этого вы мнѣ высказали ваши разныя догадки.

Онъ, видимо, смущенный, отвѣчалъ лишь кивкомъ головы.

— А вы, — обратился я къ Эдитъ:— вы не откажетесь признать меня за того, который говорилъ съ вами въ оконной нишѣ?

— Да,—рѣшительно произнесла она.

— Теперь только остается м-ру Бенсону признать, что именно меня онъ привелъ сюда. Это ему будетъ легко, когда я скажу, какія получилъ отъ него инструкціи.

— Эти инструкціи касались моего брата.

— Да,—отвѣтилъ я иронически,—вашему брату надо было, значитъ, осмотрѣть стаканъ, стоявшій на столѣ, такъ какъ вы знали, какое изъ-за этого могло пасть на него подозрѣніе!

Вмѣсто отвѣта Гарри гнѣвно бросился ко мнѣ:

— Довольно маскарада, покажите ваше лицо. Мы хотимъ знать, кто вы!

Дѣйствительно, пора было дѣйствовать на чистоту. Я отбросилъ домино и маску и выступилъ впередъ.

— Вотъ я. Считаете ли вы возможнымъ, чтобы я убилъ м-ра Бенсона?

Крикъ удивленія вырвался у нихъ, когда предъ ними явился совершенно незнакомый человѣкъ. Гарри проборматалъ какое-то проклятіе: онъ видѣлъ, что его игра проиграна, его преступленіе открыто. Но онъ былъ слишкомъ хитеръ, чтобы признать себя побѣжденнымъ.

— Вы обманщикъ, шпіонъ! Васъ подкупилъ мой братъ, чтобы вывѣдать все и отравить моего отца. И вы хотите на меня свалить преступленіе. Планъ недуренъ, но жаль, что онъ вамъ не по силамъ. Завтра въ тюрьмѣ вы сообразите это.

Я далъ ему высказаться, но въ рукахъ моихъ былъ мой послѣдній козырь:

— Вы забываете, называя меня шпіономъ, что, когда «шпіонъ» состоитъ на службѣ въ полиціи, его не такъ легко

запрятать въ тюрьму. Позвольте мнѣ представиться: я агентъ тайной полиціи изъ Вашингтона. Мое назначеніе раскрывать преступленія и обличать преступниковъ.

— Агентъ?—пробормоталъ онъ съ трудомъ.

— Если вы въ этомъ сомнѣваетесь, я могу представить вамъ мои полномочія. Какія причины меня привели сюда, это васъ не касается; знайте только, что я стоялъ здѣсь за ширмой, видѣлъ и слышалъ все и могу поклясться, что ядъ былъ въ стаканѣ до прихода сюда и желтаго домино, и старика Бенсона. Кто всыпалъ этотъ ядъ,—предоставляю вамъ самимъ судить; мои обязанности на сегодня кончены.

Я хотѣлъ уходить, но Кэрри Бенсонъ преградила мнѣ путь.

— Не уходите, пока вы не сказали мнѣ, гдѣ мой братъ Ричардъ. Я теперь сирота и потеряла не только отца, но и брата, которому до сихъ поръ слѣпо вѣрила.

— Я не знакомъ съ вашимъ братомъ Ричардомъ, но я видѣлъ въ саду высокаго широкоплечаго блондина. Если это онъ, то часъ тому назадъ онъ былъ у оранжереи. Быть можетъ, онъ еще тамъ.

— Нѣтъ, онъ здѣсь,—раздался громкій голосъ, и Ричардъ Бенсонъ появился предъ нами.

— Гарри,—сказалъ онъ укоризненно:—отецъ лежитъ при смерти, а ты меня не извѣщаешь и оставляешь одного въ саду. Что это значитъ?

— Ахъ, Ричардъ,—бросилась къ нему сестра,—если бы ты зналъ, что случилось! Этотъ человѣкъ вмѣсто тебя получилъ желтое домино и отъ него мы узнали...

Она запнулась.

— Что вашъ братъ Гарри негодяй, — докончилъ я.

— Объяснитесь!—вырвалось у Ричарда при видѣ мрачной фигуры брата.

— И теперь время,—сказалъ я дядѣ

Ричарду,—открыть то, что вы мнѣ довѣрили сегодня на балу.

— Вы правы,—согласился тотъ.—Ричардъ, дитя мое, ты три года жилъ подъ тяжестью страшнаго подозрѣнія и не сдѣлалъ ни единой попытки защитить себя. Всѣ родные приняли это за сознаніе вины, только я и Эдитъ видѣли здѣсь актъ самопожертвованія и великодушія. Отецъ, котораго ты щадилъ, умеръ, ты можешь теперь откровенно высказаться. Ты взялъ у отца цѣнныя бумаги?

— Нѣтъ, клянусь Богомъ!—крикнулъ Ричардъ.

Эдитъ съ крикомъ восторга бросилась къ нему.

— Я это знала, Ричардъ не виновенъ!

Онъ нѣжно обнялъ невѣсту. Это зрѣлище окончательно доконало Гарри.

— Вы сумасшедшіе,—закричалъ онъ:—васъ одурачилъ этомъ лжецъ и шпіонъ. Но вамъ не удастся восторжествовать надо мной побѣду! У меня есть еще одно ору-

жіе противъ моего лицемѣрнаго брата, и оно испортитъ ему его торжество.

Онъ бросился вонъ изъ комнаты, и черезъ минуту мы услышали выстрѣлъ. Это было его послѣднимъ и единственнымъ исходомъ и полнымъ доказательствомъ его вины. Его близкіе такъ и не узнали, что его побудило къ такому ужасному преступленію. Для меня же было ясно, что этотъ безупречный и добродѣтельный на видъ человѣкъ былъ порочен до глубины души. У него, очевидно, были долги, которыхъ онъ не могъ открыть отцу. Что онъ съ такимъ коварствомъ подготовилъ западню своему брату, объяснялось его безумной ревностью: онъ самъ любилъ Эдитъ и думалъ такимъ путемъ отнять ее у Ричарда.

Я долженъ былъ обѣщать счастливой парѣ, что буду у нихъ на свадьбѣ, которая состоится черезъ три мѣсяца. И Ричардъ Бенсонъ и его невѣста увѣряютъ, что обязаны своимъ счастьемъ желтому домино. И они, пожалуй, правы!

— Ну, а фальшивые монетчики?—спросилъ Гаррисонъ:—нашелъ ли ты ихъ, несмотря на то, что отвлекся въ сторону?

— Да, т. е. я думаю, что напалъ на слѣдъ.

— Гдѣ, въ Брэндонѣ?

— Нѣтъ, не тамъ. Я обязанъ только случаю, что напалъ на ихъ слѣдъ. Когда я уѣхалъ на другой день изъ Брэндона, то въ Голлоуэллѣ я пропустилъ передаточный поѣздъ, и изъ-за того, что мой поѣздъ опоздалъ, пришлось остаться ночевать въ гостиницѣ. На другой день хозяинъ, давая мнѣ сдачу, подсунулъ мнѣ монету, которую я сразу призналъ за фальшивую. Я ему это замѣтилъ, и онъ показался такимъ разстроеннымъ, что я подумалъ, не сталъ ли онъ самъ жертвой обмана. Тогда я спросилъ, не вспомнитъ ли онъ, отъ кого получилъ эту монету? Онъ выразилъ увѣренность, что ее далъ одинъ пріѣзжій изъ Чикаго, который часто бывалъ въ Голлоуэллѣ; онъ даже мнѣ его назвалъ.

Я помчался въ Чикаго, пригрозивши хозяину гостиницы тюрьмой, если онъ будетъ болтать объ этомъ.

— Ну, и въ Чикаго?—спросилъ Гаррисонъ.

— Я никого тамъ не нашелъ, тамъ не было никого, кто ѣздилъ бы въ Голлоуэлль.

— Ну, конечно! —добродушно пошутилъ Гаррисонъ. — Хозяинъ гостиницы былъ въ восторгѣ, что натянулъ тебѣ носъ и ловко провелъ тебя.

— Ну, хотѣлъ бы я видѣть, кому это удалось бы!—не безъ гордости заявилъ Робертсъ.—Что будетъ съ хозяиномъ гостиницы, покажетъ будущее, а я своего человѣка все-таки нашелъ.

— Ну? Какъ же ты его накрылъ?

— Весьма просто. Я вернулся въ Голлоуэлль переодѣтый и сталъ караулить у вокзала.

Голлоуэлль маленькій городишко, куда попадаетъ мало путешественниковъ. Человѣкъ, котораго мнѣ описалъ хозяинъ го-

стиницы, дѣйствительно пріѣхалъ въ тотъ же день къ вечеру. Я пошелъ за нимъ незамѣченный и пришелъ къ довольно большой фермѣ за городомъ. Здѣсь я караулилъ его всю ночь и видѣлъ, какъ на разсвѣтѣ онъ съ большой кожаной сумкой уѣхалъ въ Чикаго...

— А ты?

— Я, конечно, не выпускалъ его изъ виду и теперь знаю все, что мнѣ нужно знать, и скоро добьюсь своего.

— Счастливецъ!

— Конечно, — улыбаясь согласился Робертсъ.—Хочешь мнѣ помочь? Ты мнѣ будешь очень полезенъ!

Гаррисонъ согласился, и они принялись за дѣло вдвоемъ.

Черезъ два дня по улицамъ Голлоуэлля ковыляла старая баба и кряхтѣла подъ тяжестью корзины, въ которой было напихано всякое тряпье. Распродавши часть своего товара, старуха медленно подобралась къ фермѣ, принадлежавшей нѣкоему

Стефену Меррею. Она и тутъ нашла покупательницъ между прислугой... Вдругъ со старухой приключился припадокъ астмы. Она хрипѣла, стонала и, когда немного отошло, попросила позволенія переночевать въ ригѣ. Сердобольная хозяйка разрѣшила ей остаться въ кухнѣ. На другой день бѣдная женщина чувствовала себя еще очень слабой и только на третій день настолько оправилась, что могла уйти. Щедро одаривъ прислугу своими товарами, она заковыляла дальше.

Черезъ нѣсколько дней сыщики встрѣтились.

— Твои предположенія вѣрны,—сказалъ Гаррисонъ.—Его зовутъ Лареттомъ, онъ происходитъ изъ французской семьи. За поддѣлку векселей ему сильно досталось, и онъ покинулъ Францію. Здѣсь онъ пускался на разныя аферы, но безуспѣшно. Съ нѣкоторыхъ поръ онъ живетъ очень хорошо, все время разъѣзжаетъ, но постоянно возвращается въ Чикаго. Теперь онъ собирается жениться.

— Совершенно вѣрно! На дочкѣ фермера Меррея изъ Голлоуэлля.

— Откуда ты это знаешь?

Робертсъ смѣялся.

— Я былъ самъ на мѣстѣ. Ты знаешь, какъ я ловко изображаю старыхъ бабъ. Переодѣвшись старьевщицей, я пробрался на ферму, притворился больной и съ большой пользой провелъ тамъ два дня и двѣ ночи. Того, что я открылъ, достаточно, чтобы арестовать всѣхъ на фермѣ.

— Что же ты открылъ?

— Фабрику фальшивыхъ монетъ! Когда все въ домѣ засыпало, я пробирался въ коридоръ, который велъ въ погребъ. Черезъ запертую дверь, въ щелочку, былъ виденъ свѣтъ. Это меня заинтересовало. Черезъ окно я выбрался во дворъ и, благодаря лунѣ, оріентировался. Осмотрѣвши мѣстность, я увидѣлъ въ стѣнѣ круглую дыру, какія бываютъ въ конюшняхъ. Я влѣзъ на дерево и заглянулъ въ эту дыру. Тамъ было три человѣка; лицъ ихъ я не

разглядѣлъ. Они что-то мастерили, и жесты ихъ были подозрительны. Работали они при слабомъ свѣтѣ притушенной лампы. Я убѣжденъ, что это фальшивые монетчики. Нужно только дѣйствовать осторожно, чтобы они не улизнули.

— Каковъ твой планъ?—спросилъ Гаррисонъ съ живѣйшимъ интересомъ.

— Завтра рожденіе невѣсты Ларетта. Она его не любитъ, а отецъ настаиваетъ на бракѣ. Скоро должна быть свадьба, но, я думаю, мы имъ помѣшаемъ. Завтра будетъ пиръ на фермѣ Ларетта, и его друзья хотятъ угоститься на счетъ Меррея. А намъ будетъ очень удобно дѣйствовать въ этотъ день. Но безъ тебя мнѣ не обойтись, попроси дать тебѣ приказъ, возьми двухъ товарищей — и отправляйтесь въ Голлоуэлль. Постарайся къ двумъ часамъ быть вблизи фермы, въ рощицѣ, гдѣ мы съ тобой встрѣтимся... Остальное я беру на себя.

Гаррисонъ исполнилъ все въ точности и такъ осторожно, что никто въ Голлоуэллѣ

не подозрѣвалъ о прибытіи сыщиковъ. На фермѣ шелъ пиръ горой. Правда, виновница торжества была очень молчалива, но это не смущало ни Ларетта, ни его друзей.

Когда уже основательно пображничали, Лареттъ, взглянувши въ окно, сказалъ:

— Посмотрите на эту цыганку, которая гадаетъ прислугѣ. Позовемъ ее сюда для развлеченія!

— Какія глупости!—замѣтилъ старый Меррей.—Что ты за остолопъ, чтобы вѣрить въ бабьи розсказни.

— Ну, знаете, иногда эти гадалки говорятъ правду,—сказалъ одинъ изъ присутствующихъ.—Одному моему пріятелю гадалка предсказала, что онъ будетъ выше всѣхъ въ мѣстечкѣ. Онъ уже рѣшилъ, что его сдѣлаютъ головой. Но такъ какъ это долго не случалось, а ждать ему дольше было трудно, онъ принялся за выѣздку лошадей.

— Которыя ему не принадлежали,—засмѣялся другой.

— Ну, да. Тутъ его поймали и повѣсили. Вотъ онъ и оказался выше всѣхъ въ мѣстечкѣ: гадалка вѣрно предсказала.

— Вотъ видишь,—крикнулъ Ларетть своему будущему тестю. — Анна,—обратился онъ къ невѣстѣ,—посмотримъ,узнаетъ ли цыганка, что мы женихъ и невѣста! Пусть она намъ предскажетъ будущее.

Онъ подошелъ къ окну и позвалъ цыганку.

Вошла женщина среднихъ лѣтъ, съ мужественными чертами лица, одѣтая въ фантастическій костюмъ.

— Однако тутъ пиръ на славу,—засмѣялась она, глядя на пустыя бутылки.— Можетъ быть, вамъ погадать?

— Да,—согласился Ларетть:—но пожалуйста безъ вранья!

— Цыганка знаетъ свое дѣло, а если вы ей не вѣрите, то Богъ съ вами!

Она вытащила оборванную и не особенно чистую колоду картъ и стала ихъ раскладывать, бормоча какія-то заклинанія.

— Король рядомъ съ королевой, между ними деньги... Тутъ какая-то загадка, что-то не въ порядкѣ...—она смѣшала карты и опять ихъ разложила!—Ничего не понимаю, какое-то навожденіе. Дайте-ка мнѣ парочку долларовъ, баринъ: золото разрушитъ чары.

Ларéттъ разсмѣялся и бросилъ ей кучку монетъ.

— Берите ихъ, сколько хотите,—хвастливо крикнулъ онъ.

Цыганка усмѣхнулась и сказала:

— Довольно съ меня!—и покрыла нѣсколько картъ монетами.

Затѣмъ опять остановилась и покачала головой.

— Что-то не въ порядкѣ,—сказала она:—король съ дамой не сходятся.

— Скажите лучше по правдѣ, что вы ничего не знаете!—замѣтилъ Меррей.

— О, нѣтъ! Но только что-то мѣшаетъ!—Она приподняла долларъ и внимательно его разсмотрѣла, потомъ торжествующе вос-

кликнула: — ну, конечно, теперь я понимаю: долларъ фальшивый!

Ларетть громко разсмѣялся.

— Вотъ шалая баба! Потому что ея гаданье никуда не годится, она говоритъ, что мои деньги фальшивы. Убирайтесь вы къ чорту съ вашими картами, а деньги мои отдайте назадъ.

Цыганка громко свистнула.

— Ваши деньги фальшивы, говорю вамъ! — увѣряла она: — иначе карты сказали бы правду.

Въ этотъ моментъ вошелъ Гаррисонъ.

— Кто говоритъ здѣсь о фальшивыхъ деньгахъ? — спросилъ онъ: — съ нѣкоторыхъ поръ появились такія деньги въ окрестностяхъ. Именемъ закона требую, чтобы вы показали мнѣ ваши деньги!

Цыганка исполнила приказаніе, а Ларетть, поблѣднѣвъ, судорожно ухватился за столъ. Его друзья пробовали добраться до дверей, но спутники Гаррисона преградили имъ дорогу.

— Никто не выйдетъ, прежде чѣмъ не выяснятся обстоятельства, — объявили они и съ заряженными револьверами стали у дверей.

— Деньги фальшивы, — сказалъ Гаррисонъ, внимательно осмотрѣвши ихъ, — и такъ какъ ихъ очень много при васъ, Жанъ Лареттъ, то на васъ падаетъ подозрѣніе въ поддѣлкѣ ихъ. Сопротивленіе излишне! Вотъ приказаніе вашингтонской полиціи о вашемъ арестѣ.

Онъ выпулъ приказъ и обратился къ своимъ людямъ, державшимся до сихъ поръ въ сторонѣ.

— Всѣхъ присутствующихъ строго караулить!

Между тѣмъ цыганка освободилась отъ своего наряда и оказалась сыщикомъ Робертсомъ.

Произвели обыскъ и открыли вполнѣ оборудованную фабрику фальшивыхъ монетъ. Судъ длился недолго; виновные не возра-

жали противъ подавляющихъ уликъ и всѣ вмѣстѣ попали въ тюрьму.

— Это было хорошее дѣло! — говорилъ Робертсъ однажды вечеромъ Гаррисону: — я рѣдко видѣлъ человѣка, который былъ бы такъ ловокъ въ такомъ опасномъ ремеслѣ. Цѣлые мѣсяцы онъ водилъ меня за носъ.

— Жаль его! — сказалъ Гаррисонъ: — былъ способный малый. Приложи онъ свои старанія къ чему-нибудь хорошему и не заблудись онъ въ лабиринтѣ своихъ страстей, онъ былъ бы неоцѣнимый человѣкъ! Онъ былъ единственнымъ сыномъ и получилъ прекрасное образованіе. Къ несчастью, онъ влюбился, еще юношей, въ женщину очень красивую, но много старше его, которая играла имъ и основательно его обирала. Изъ-за нея онъ свихнулся съ пути, запутался въ долгахъ, началъ поддѣлывать векселя... Это и заставило его уѣхать изъ своей страны. Здѣсь, въ Америкѣ, онъ падалъ все ниже и ниже и дошелъ до фабрикаціи фальшивыхъ денегъ. Въ этомъ ему сна-

чала повезло. Онъ хотѣлъ жениться на дочкѣ Меррея, но пока онъ отбудетъ свое наказаніе, она, вѣрно, найдетъ другого.

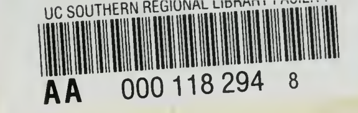
— Уже нашла!—засмѣялся Робертсъ:— и это не кто иной, какъ почтмейстеръ изъ Брэндона. Онъ просилъ о переводѣ куда-нибудь въ другое мѣсто, и черезъ три недѣли ихъ свадьба?

— И ты приглашенъ?

— Конечно, это еще одна пара, которая должна мнѣ быть благодарна!

— Если ты такъ дальше будешь продолжать,— шутя сказалъ Гаррисонъ,— то ты скоро можешь написать на своихъ карточкахъ: «Вильямъ Робертсъ, полицейскій агентъ и устроитель браковъ».

КОНЕЦЪ.

UC SOUTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
AA 000 118 294 8

